

III. Современные полевые этнографические исследования

О. М. Фишман

Исследования карельских старообрядцев в 1990-е гг. (полевые дневники)

Жителям карельских и русских деревень
Тихвинщины посвящаю

Изучение группы так называемых тихвинских карел (Бокситогорский р-н Ленинградской обл.), предпринятое мною в 1989–1994 гг., привело к выводу, что ведущим фактором устойчивости этой небольшой компактной общности мигрантов является старообрядчество беспоповского толка.¹ «Истинное православие», как называют его старообрядцы, имело базисный характер при оценке отношений к внешнему миру и самим себе.

Пример замкнутой общины карел-федосеевцев иллюстрирует известную обращенность старообрядцев к прошлому, к традиции предшественников, скреплявшей социально-правовые и конфессиональные установки.² Вместе с тем традиционализму культуры соответствовал, как не парадоксально это звучит, индивидуализм, и поныне остающийся важным фактором формирования личностных качеств и мирозерцания человека. Более того, как установлено исследователями, старообрядческая беспоповская община способствовала «усилению и развитию принципа персонализма». Именно поэтому в центре беспоповской общины стоит человек «с его сознанием и самосознанием, деятельностью и поведением».³

Персонализм старообрядчества проявил себя прежде всего в деятельности религиозных лидеров карельской общины — *отче, книжники*, пророков, а также мистических — провидцев, сновидцев — людей, «видящих» судьбу. Скорее всего, именно развитие провидчества, столь характерное для старообрядческой среды, придало новое христианизированное истолкование мистической деятельности последних.

Хранителями традиционной символической системы, «цементирующей силой» изучаемой общины еще в 1950–60-е гг. являлись так называемые базисные типы личности: *отче, книжники/богомолки*, пророки, ясновидящие, нищие Христа ради — *милостяги, знающие*, колдуны. Все они обладали либо пожизненными, либо временными социально-религиозными статусами, в зависимости от их места и роли в конфессиональной жизни общины.

Из-за разрушения института наставников в федосеевстве, произошедшего в 1930–40-е гг., их роль взяли на себя *книжники* (*knižnikkat*) или *богомолки* (*jumalankumardelijat*). Это

были религиозно грамотные девицы, старые девы и вдовы, хорошо знавшие устав богослужения, чины крещения и исповеди, погребально-поминальные требы, а также обучавшие чтению книг младшее поколение общины.

Начавшийся в те годы и продолжающийся и ныне упадок старообрядческой грамотности, отсутствие конфессионально образованных лидеров, возрастающее «растворение» религиозного сознания у современных карел привели к тому, что сейчас лишь небольшое число пожилых женщин называют себя староверками, самая грамотная из которых исполняет некие главенствующие функции. Между тем анализ образа жизни и мыслей современных карельских «наставниц» свидетельствует о том, что самоидентификация личности происходит у них на основе подражания примеру известных *книжниц*.⁴

Именно в современных условиях, что, впрочем, отмечается и на примерах других старообрядческих локальных общин, стала более явной и заметной ориентированность коллективного сознания и культуры на прошлое, опыт и знание предков, т. е. традицию. О традиционализме карельской современной культуры говорит и достаточно устойчивая фольклорная традиция, базирующаяся на архаичных представлениях о нечистой силе, о *хозяевах* природного окружения, в первую очередь леса, о двойственности человеческой души, о наличии «души» у природы, о чудесном и сверхъестественном. Двойственный характер носят представления и о личной судьбе (*oža*): с одной стороны, судьба, как и смерть, непреложна и всеобща. Каждый человек живет согласно своей судьбе с момента зачатия; она неотвратима — «написана на роду» в случае и счастливой, и несчастливой, злой судьбы: «У каждого человека — своя судьба. Судьба должна быть». С другой стороны: «Судьба от Бога» / «Это от Бога дано, у кого где судьба». Носителями этих представлений в большинстве своем являются староверки.

Своеобразное отражение коллективного традиционалистского «мы» в индивидуальном/личностном «я», как и интеллектуализм беспоповства, наиболее явственно проявляются в настоящее время в образе жизни *знающих* и ясновидцев. Подчеркну, что все они ориентированы на консервацию этнолокальной культуры, сохранение ее старообрядческого-карельского «лица».

Для выявления причин первостепенного значения «старой веры» в мировоззрении карел был найден иной *познавательный путь*, сформулированный как феноменологический подход к изучению народного/группового сознания. Названный метод прежде всего избавляет от привычного «наивного деления культуры на материальную и духовную, а общественных явлений — на социальные и собственно-культурные», и, что особенно важно, ставит в центр исследовательского внимания человека «с его сознанием и самосознанием, деятельностью и поведением».⁵

С позиции феноменологии культуры, рассматриваемой как ценностно-смысловой мир человека, для «прочтения» ее текста необходимо не только осмысление, но и соучастие «в самосознании культуры» (В. С. Библер). В свое время еще Г. В. Флоровский писал о том, что для понимания прошлого историк необходимо «вчувствование» в имеющиеся документы и свидетельства. «Следовательно, личность истолкователя входит как составная часть в самый процесс интерпретации, равно как в разговоре необходимо два собеседника, чтобы получился диалог, двух правд, разных, но равноправных сознаний — исследователя и объекта

исследования».⁶ «Вне такого совмещения, — пишет В. С. Библер, — работа исследователя-гуманитария <...> неполноценна».⁷ Важное уточнение делает и А. Я. Гуревич: «Посредством рассмотрения индивида, личности автора приближаются к постановке проблемы индивидуальности каждой из культур, которые выбраны ими в качестве предмета изучения».⁸

Многолетние полевые исследования карельских переселенцев, работа на протяжении ряда лет с одним и тем же кругом информаторов позволили вплотную приблизиться к осуществлению задачи сбора и выявления всех доступных для фиксации форм и проявлений группового сознания. При сопоставлении, наложении и анализе массовой информации, а также содержащихся в ней оценок прошлого, настоящего и предполагаемого будущего возможно вычленение как единичных — индивидуальных, так и повторяющихся — коллективных характеристик событий, фактов, явлений. Становится более очевидной архетипическая схема прочтения истории своего народа, собственной семейной и личной истории, символического языка и структуры народного сознания, основой которых у тихвинских карел является религиозное сознание. Подтверждением тому является кодекс правил благочестия, в первую очередь представления о грехе: «нету ни одного слова без греха»; о молитве и посте; видения рая и ада; размышления о своей, «карельской вере»: «У нас своя вера — вековая, строгая, не поповская» / «Карелы русскому Богу не молились».

Длительное фиксируемое наблюдение, направленное и свободное интервьюирование, многолетнее знакомство (в течение пяти лет) с одними и теми же респондентами облегчили проникновение во внутреннюю логику их рассуждений и поведения. Метод сочувственного вживания приблизил меня к пониманию феномена сознания маргинальной этноконфессиональной группы и отдельной личности, занимающей конкретное положение в социально-религиозной структуре все еще рефлексивной старообрядческой общины.

Предлагаемые отрывки из полевых дневников 1991–1994 гг. сгруппированы таким образом, что дают представление о спектре знаний конкретных людей и одновременно типов лидеров возрастной группы 1920–1930-х гг. рождения, демонстрируют особенности современного традиционализма и персонализма старообрядческой культуры и его воздействия на мировоззрение различных категорий православного карельского и русского населения. Для выяснения степени взаимодействия и взаимовлияния этноконфессиональных традиций велся опрос всех местных жителей, так как получившие распространение начиная с 1930-х гг. браки карельских федосеевцев с православными карелами и русскими ускорили размывание жестких до этого территориальных и конфессиональных границ группы. Именно поэтому в публикацию вошли полевые записи, характеризующие современные этноконфессиональные категории карел-староверов, карел-православных — *мирских* и православных русских. Преобладающая их часть — это люди определенного, довольно высокого социокультурного статуса, в том числе упомянутые выше *ясновидящие* и *знающие*. Социокультурный и нравственный престиж этих людей чрезвычайно высок. Их объединяет осознание себя как глубоко верующих личностей, а своей деятельности как угодной Богу, посреднической и спасительной. Наследственность, предназначенность, отмеченность, посвященность, прозорливость и мудрость — вот типические черты сохранившейся и существующей до сих пор системы лидерства.

Собранные вместе, отрывки из авторских полевых материалов дают представление о живой культурной традиции, ее состоянии, устойчивости и утратах, произошедших на протяжении жизни одного поколения. Публикуемые записи подтверждают выводы, сделанные в ходе экспедиционной практики: карельская старообрядческая культура продолжает воспроизводить ту социально- и духовно-психологическую среду, которая питает высокий статус личности, не вполне адекватный миру современной деревни по установкам, мотивам, ценностям, нормам и знаниям.

Так как одной из целей публикации полевых материалов является необходимость объективной иллюстрации современных представлений карельских и русских крестьян, исключительно важен, на наш взгляд, зафиксированный во время записей контекст диалога и внешних обстоятельств, т. е. «реальность полевых наблюдений» (Б. Н. Путилов), в процессе которых воспроизводились эти тексты, оживали те или иные пласты памяти, комментировались события прошлого и настоящего.⁹ Именно поэтому выдержки из полевых записей сгруппированы не в тематические блоки, а приведены в порядке их следования в ходе опроса. Мне представлялось важным дать слово самим информаторам, чтобы они выражали свои мысли своими же словами, и читатель мог почувствовать их образность и оригинальность, в конце концов, характер каждого отдельного человека.

Опрос велся на русском языке с использованием карельской терминологии; диктофонные записи расшифровывались и исправлялись при необходимости в полевых условиях.

[Январь 1991 г.]

16/1. Занималась хозяйственно-организационными делами: договорилась в правлении совхоза с агрономом Ходжаевым Магомедом Омаевичем о картошке — получила 30 кг (9 руб.) и о покупке молока в столовой (1л — 34 коп.). Столовая обеспечивает обедом, но готовят они так немного, что хватает на 15–25 мин ее работы, а в столовую ходят все — и дети, и пенсионеры, и работники совхоза. В магазине, как и повсюду, все по карточкам; есть масло, мясо, колбаса, песок, крупы; хлеб завозят 3 раза в неделю — на 1 человека дают 1 бух[анку] хлеба, 1 батон. В промтоварном магазине все по записи в сельсовете; накануне завоза, с 16 на 17/1, люди стояли ночью (как в городе). Обошла всех информаторов в Климово, услышала о всех их новостях; теперь на рассказы о жизни и обмен информацией у меня уходит много времени. Предупредила в сельсовете о приезде киножурналистов; интерес к этому приезду, особенно к возможному показу фильма о карелах, есть.

17/1. В первую половину дня поехала в Забелино, где должны были состояться «посиделки». Зав. клубом Богданова В. Н. была несколько навеселе; рассказала, что недавно приезжала из Ленинграда женщина по имени Лидия (после уточнений выяснилось, что это была Л. П. Азовская), отреккомендовавшая себя как интересующаяся фольклором и организатор вепского фольклорного праздника.

Вера Николаевна [Богданова] оповестила старушек деревни, повесила объявление перед клубом; приготовила скромное угощение для гостей: винегрет, чай, пряники, конфеты. Ожидали в гости русский фольклорный коллектив из д. Заголодно Бокситогорского р-на, представителей районного управления культуры, жительниц д. Селище. Клуб — довольно

убогое деревянное строение, в котором в летнее время показывают кинофильмы. В 14 часов приехал коллектив из Заголодно, привезли женщин из Селищ; народу собралось человек 25, в основном пожилые женщины и 4 сильно выпивших мужика (отмечу, что и несколько женщин из более «молодых» также были навеселе). Стройного концерта не получилось. Хор из Заголодно был представлен 6 женщинами 50–60 лет, двумя гармонистами; одеты [все] по-современному. Со слов представителя районного Управления культуры, коллектив сформировался недавно благодаря инициативе нынешней руководительницы группы. На пленке зафиксирован приезд коллектива и их экспромт перед началом «посиделок», когда они вместе с жительницами Селищ исполняли частушки и плясали. Цель организованных «посиделок», как объяснили из управления культуры, — расшевелить местных жительниц и попробовать организовать какую-либо фольклорную группу — якобы в Селищах это может получиться: там народ другой, чем здесь, в Забелино, где староверы. Селищенские женщины были привезены, чтобы с их помощью как-то вызвать на песенное соревнование и забелинских жителей. В ходе «посиделок» селищенские довольно активно в нем участвовали; забелинские подхватывали такие [песни], как «Катюша»; некоторые плясали, пели частушки, пьяные мужики тоже пытались.

Репертуар коллектива: старинные песни «Пряха» — народная, «Уродилась я» — из Вологодской обл. Частушки исполняли — «переговаривали друг друга» — две женщины. «Сценки» из жизни, например, «Маня и Ваня» — диалог жены и пьяного мужа — очень сочувственно [была] встречена аудиторией, которая комментировала происходящее.¹⁰

19/1. [Крещение]. Деревня Дятелка. Зимой здесь живут в пяти домах.

[Коллективный опрос в доме у Петровой Марии Ивановны (1931 г. рождения, в девичестве Андреева, карелка, православная). Мария Ивановна живет с матерью Андреевой Марией Федоровной (1903 г.р.). К ним в гости приехала соответственно сестра и дочь Артемьева Анна Ивановна — Нюшка (1934 г.р.), [которая] живет сейчас в пос. Красная Долина Выборгского р-на Ленинградской области].

Встретили хорошо, благодарят за фотографии, называют Михална, Оленька. Поздравила с праздником, отвечали: «Спасибо, и Вас с праздником» (19/1 — Крещение). В ходе беседы прерывались на обед: крошиво — серые или черные щи (по-карел. *piat't'i*); творог, капуста соленая, помидоры консервированные, суп мясной; каша пшенная, пироги из пшеничной муки с клюквой, с малиной; чай, кофе растворимый. В разговоре за столом обе сестры говорили, что не умеют делать рогушки и сочни, хотя и знают, и делали, но не получается так, как у их матери: «Хоть убей, а сочни не могу».

Мать — Мария Федоровна, в девичестве Зимакова, родом из Толстей, в Дятелку вышла замуж; все ее три дочери — Маруся, Нюшка и еще одна вышли замуж за русских. Когда Мария Ивановна вышла замуж в 1950 г. за Петрова Алексея Федоровича из деревни Белый Бор и переехала в эту деревню, то мать сказала, что «к ним ни ногой» — объясняет потому, что русского [языка] не знала. О плохом знании русского ко времени замужества — это [19]50-е гг. — говорят и обе сестры. У Марии Ивановны обе дочери с детства «на два языка», т. е. знают и карельский, и русский, а из внуков (которые живут все в городах) только один, пяти лет, «очень внимательный, занимается карельскому языку...». Дочери в свое время даже записывали карельские слова по-русски.

После опроса пошли в баню: первыми мылись мужчины (муж соседки и сын Марии Ивановны), потом мы — женщины. Мария Федоровна перед баней сняла крест (делает так всегда) и тут выяснилось, что она в деревне Дятелка крестит детей.

Опрос записан на пленку. Информация может быть распределена на ряд тематических блоков: Святки (гадания, ряжение), люди, обладающие знанием; время-праздники.

Святочные гадания. В основном вспоминала Анна Ивановна (40–50-е гг. XX в.)

Информаторы особенно подчеркивают, что гадать ходили три–пять–семь–девять человек, чаще всего семь (нечетное число). Можно и одному ходить, но «страшно». Анна Ивановна вспоминает, что ходила со старшими девушками (16–19 лет), когда ей самой было 10–11 лет; девушки приходили к ее матери и упрасивали, чтобы та отпустила дочку, так как у них не хватало человека для счета.

1. *Полоть снег*; снег ходили полоть. Девушки шли на огород — «сойдем в огород». Задним подолом загребали снег между ног, кидали его вперед и говорили: «Суженый-ряженный, с которой стороны придешь?» и слушали. Если слышали звон бубенчика, звук колокола, шум идущего поезда или едущей машины, значит, придут девушку сватать. Если собака лает, то слушали с какой стороны, и это означало, что с той стороны придут сватать.

2. *Смотрели в зеркало*. Одно зеркало висит на стене, другое кладут на плечо так, чтобы можно было смотреть в зеркало в зеркало. При этом необходимо было просить помощи чертей: «Черти маленькие, большие, приходите, покажите моего жениха». Смотреть в зеркало можно было, видимо, не столько в избе, сколько в других помещениях дома. Так, Анна Ивановна рассказывает, что девушки делали это на чердаке, а несколько маленьких девочек, приглашенных для счета — «в счет чтобы было» (5–7–9), стояли на лестнице и, боясь звать чертей, молились: «Господи, помилуй. Господи, помилуй»; старшие девушки, сетуя, что не увидели суженых-ряженных, объясняли это так: «Нет, чего-то не показывается, кто-то Богу молиться».

3. *На кресты ходили*. Ходили на перекресток дорог, где палкой чертили на снегу круг, куда вставали гадающие на суженого-ряженого. Суть гадания — по услышанному звуку (см. выше полоть снег) определить судьбу.

Анна Ивановна рассказала, как однажды они ходили на кресты. Первый раз «за одну девчонку стали в круг — услышали, как поезд идет». Это их испугало, так как до железной дороги очень и очень далеко. Произнеся «аминь, аминь», они решили попробовать вторично уже за другую гадающую девушку. На этот раз «услышали бубенчики на лошадях» — «тоже не допустили». А в третий раз встали — «как земля хрустнет, как будто проваливаемся». Девушки испугались, побежали домой; от страха «волосы дыбом стали»; на вопросы домашних рассказали, что было такое впечатление, будто «земля треснула».

Основанием для страха была якобы реальная угроза со стороны нечистой силы, к помощи которой прибегали при гадании. <...> Мария Федоровна припомнила, что ее бабушка рассказывала, что после такого гадания черти поймали девушку уже на крыльце дома и задушили ее. Сама Мария Федоровна никогда не гадала — ее не пускали родители.

4. *Частокол мерить*. Одна из гадающих вставала спиной к частоколу и раскидывала руки, другая считала частоколины (вертикальные жердины), оказавшиеся между руками; счет велся попарно: 1–2, 1–2 и т. д. Если счет оканчивался парой, говорили: «Нынче ты гуляешь на пару», т. е. выйдешь замуж, найдешь пару. Следующая гадающая мерила частокол в другом месте.

5. *Олово лили*. Кусочек олова расплавляли на печке в какой-нибудь баночке — «она (олово; путают мужской и женский род. — *О. Ф.*) растает»; расплавленное олово переливали в холодную воду, затем этот кусочек подсвечивали у стены и смотрели в тень. По очертаниям тени определяли свою судьбу. Если виделись лошадь, машина, поезд — «увезут тебя», т. е. замуж выйдешь, а если яма — «значит, жди смерть».

6. Также гадали по тени сожженной бумаги: «намнешь, сожжешь и вечероммотришь в тень».

7. С оловом и бумагой (после вышеописанного) ходили слушать под окна. Все знали, что девушки в эти дни ходят гадать на суженого-ряженого и старались так или иначе подыгрывать. Так, могли говорить намеренно громко: «Эту овечку надо увезти, свезти, чего ее дома держать» (т. е. выдать замуж) или наоборот: «Рано-рано еще» (замуж. — *О. Ф.*). Если слышали, что в доме «ложкой какбрякнут» — это к свадьбе.

8. *Класть гребень*. Анна Ивановна рассказывает о себе: «В Святки (7/1) гребень под голову положила (или расческу — точно не помнит. — *О. Ф.*), сказала: „Суженый-ряженный, приходи расчесывать волосы“. Во сне увидела то, что вспомнила, когда через год вышла замуж и переехала в деревню к мужу: «Увидела ручеек, подстанцию; его увидела задом — вот, где я это видала». [Ей] объяснили женщины, что то, что она увидела своего будущего мужа со спины означало одно — «долго ты с ним жить не будешь, он от тебя уйдет». Муж погиб (утонул) через 4,5 года после свадьбы. В Святки Анна Ивановна гадала, а в Рождество ее просватали. <...> ...Рассказала об этом в подтверждении того, что гадания сбывались.

На следующее утро после гадания «как встанешь надо заменить: чурáми на мен, чурáми на мен (т. е. «чур амин, амин». — *О. Ф.*) — три раза надо сказать. Так-то страшно». Объясняет это тем, что, прося у чертей показать суженого, надо было потом не быть у них в долгу и предложить им обмен (словесный в данном случае)

9. Гадание с валенком. Анна Ивановна рассказывает случай, о котором она услышала в больнице от одной русской женщины, комментируя рассказ словами «у нас такого не было». Вместе с тем в ходе рассказа ее поправляла мать, Мария Федоровна. «Научили одну женщину встать на печку, одеть валенок на одну ногу и сказать: “Суженый-ряженный, приходи снимать валенок” (Анна Ивановна); „Суженый-ряженный, меня разуй, себя покажи” (Мария Федоровна). Гадающая заснула, а ночью [ее] «как тасканули с печи — все в доме вскочили, стали ее спрашивать: „Что, что?” У нее на голове — шишка. Матка ездила потом к колдунам», чтобы отговорить дочку, так как к ней приходила некая нечистая сила, которую рассказчица предпочитает никак не называть.

10. Гадание в риге. Рассказывает Мария Ивановна, что это «раннее гадание», т. е. старинное гадание. Рассказ о конкретном случае: «Три дефки сошли в риги», а парни узнали об этом и решили подшутить. Гадающая, призывая суженого-ряженого, должна была оголеть ягоды: «Надо жопу оголеть» в дверном проеме «с гумна в ригу», а суженый проведет лопатой — «значит выйдешь в богатую семью», если веником — «ничего не будет (т. е. замуж не выйдешь. — *О. Ф.*), а если голой рукой, то ...» — не помнят, что это означает. Парни именно так и сделали.

11. На столе под три перевернутые чашки клали деньги, хлеб и уголь. Гадающая выходила за дверь, остальные меняли чашки, закрывающие эти предметы. Если девушка выбирала чашку,

под которой лежали деньги, это означало, что ее будущий муж будет богатым, «если хлеб — средний, а уголь — самый бедный, последний». «Так озоровали».

12. На полу раскладывали рукавицы, бусы и камень. Гадающей завязывали глаза, и она должна была найти какой-либо из этих предметов. Если рукавицы найдет, значит, жених будет «бедный, трепач», если бусы — «жених — форсисетый, камень — богач».

13. Девушки катались по полу от окон к двери, и в том случае, если «спиной к порогу накопиться», значит замуж выйдешь.

14. Девушки считали дрова в поленице, т. е. разбирали поленицу и считали попарно; или когда носили дрова на растопку печи (аналогично счету при измерении частотола).

На вопрос о том, когда можно было гадать, отвечают, что с 8 по 18 января; нельзя было гадать на старый Новый год (вместе с тем Анна Ивановна, рассказывая о гадании с расческой, называла точную дату — 7/1). Гадания, как и святочное ряжение, прекращались накануне Крещения (19/1). Не очень ясно — гадали на русском или карельском языке: с одной стороны, постоянная формула «суженый-ряженный», произносимая по-русски, с другой — на прямой вопрос отвечают: «Гадали по-своему».

Гадали девушки, но и парни также, но те, в основном, подшучивали, «озоровали», от них старались отделаться, скрыться. Так например, Мария Ивановна вспоминает, как однажды ее двоюродная сестра, она сама и еще третья девушка пошли *снег полоть*. В это время в дом пришел жених двоюродной сестры, и [мать], которая не любила и не любит гадания, послала его подшутить над девушками. «Тот-то хавкнет по-собачьи, то в колокольчик брякнет — нам все понапрасну» (т. е. напрасно ходили. — *О. Ф.*). Вернувшись в дом, посетовали на мать: «Ну, ты нас подвела».

Ряженные — *Самокруткам* («и по-карельски, и по-русски», — как говорят информаторы). *Самокруткам, цыганам* ходили и молодые, и старые («какой у кого характер» — поясняют женщины). «Если самокруткам не уйдем, — рассказывает Мария Ивановна, — то дома гадаем». «Чужие» с ее слов не ходили гадать, «свой все ходили: давайте сегодня это [будем делать]». Из разговора все-таки выясняется, что цыгане и самокрутки отличаются друг от друга.

Самокрутки, самокруткам оденешься — [под этими словами] подразумевается в первую очередь переодевание. «Девки парням одевались, марлечкой лицо закрывали, чтобы их не узнали, подушки набивали (чтобы скрыть грудь), а парни — девкам; груди делали».

Одевались медведем: полушубок выворачивали мехом наружу; об одной своей родственнице, которая любила рядиться, говорят «выкрутится медведем, а то с блином придет, Иваном Чумичом». *Иваном Чумичом* мог одеться любой человек («хоть мужчина, хоть женщина»). Когда он с шумом входил, его спрашивали: «Иван Чумич, что шумишь?» Он отвечал: «Жениться хочу». [Его спрашивали]: «На ком?» Он покажет на кого-нибудь или имя назовет. Иван Чумич «возьмет девчонку, повалит на санки и потащит — это он увез любимую; все остальные стоят вокруг. Вернешься со смехом».

Ходили с *торбой* или с *сухарям*: в мешок «клали каменьев, кирпича наложат, если кого не любят, так стукнут по спине — шумит полная упряжка (т. е. сильно шумит. — *О. Ф.*), больно — заплачешь».

Делали покойника. Анна Ивановна рассказала случай, когда женщина оделась в покойника, и ее до тех пор пока все не собралось на *бесёду* «положили в подвал (подпол)». Когда «собрались — пошли, а она — мертвая. С тех пор не стали покойника приводить».

Такие образы, как *медведь, Иван-Чумич, с сухарям, покойник* были обязательны во время Святок, на молодежных посиделках. Люди женатые, замужние редко рядились, но на беседы ходили — смотрели.

Вспоминая о святочном ряжении своей молодости (50-е гг.), Анна Ивановна говорит: «В Утликово ездили, бригадир давал даже машину и сам [с ними] ездил, а то лошадей запряжешь. Вечер попрыгаешь — на ночь домой приедешь. На работу ведь надо».

Другая группа ряженных — цыгане. Они заходили в каждый дом, предлагая погладить, выпрашивая милостыньку, прося остаться ночевать. Встречали их благожелательно, давали деньги, хлеб, мясо. «Все хоют: двери открывали все; дают деньги, хлеба, кто чего». Молодежь после этого несколько дней гуляла на вырученные продукты: «Три дня гуляем — мясо варим».

Крещение. Хождение ряженными прекращалось накануне Крещения. Те, кто рядился, должны были утром 19.01 идти в прорубь: «Святки ходишь чудушками, так заставляли в прорубь [окупаться]. Наголо раздеваться». Обычно раздевались в специально натопленной бане, куда собирались все — «целая байня наберется». В прорубь спускали лестницу, которую держали «двое девушек, и все по очереди окунались».

Мария Федоровна вспоминает: «Чудушкам один раз была, так один раз и в прорубь ходила». После расспросов выясняется, что на Крещение в прорубь должны были ходить все, но строго обязательным это было для тех, «кто гадал и самокрутками был». Вместе с тем в 50-е гг. сами информаторы-сестры не выполнили этого обряда.

Со слов <...> Марии Ивановны, в крещенское утро девушки прибегали также к своего рода гаданию: по имени встречного (мужчины или женщины) загадывали имя соответственно мужа, свекра или деверя, а по имени женщины — свекрови или золовки. Так, Мария Ивановна рано утром «пошла на двор корму давать, ей навстречу попалась подруга Нюра», а когда вышла замуж, такое имя оказалось у ее золовки.

Местные жители в этот праздник ходили в местную часовню; редко кто из них (жителей деревень Дятелка, Коростылево) бывал в церкви в Озереве. Мария Федоровна вспоминает, что дальше Озерева она вообще не бывала. Как-то раз, когда она была еще в девушках, ей и двум ее подругам (тоже Мариям) «парни предложили загадать», кто из них первой выйдет замуж. Для этого они советовали следующее: после того, как служба в церкви закончится, обойти церковь со свечами, и та, у которой свечка загаснет первой, и выйдет первой замуж. Свой рассказ М. Ф. Андреева сопровождала словами, что «это неправильная примета».

Верования. Все не только помнят о людях с «плохим» или «хорошим» глазом, но назовут и своих современников. А. И. Артемьева рассказала о своей двоюродной тетке Наталье, у которой был «плохой» глаз, и те, кто шел на рыбалку, за грибами, ягодами «старались избегать встречи с ней: вся деревня ходила крадучись» мимо ее дома. Однажды в доме коза окозлилась, и новорожденные козлята прыгали в избе. В это время в избу зашла тетка Наталья со словами: «Ой, какие хорошенькие!» — все три козленка один за другим околели. Анна Ивановна считает, что тетка Наталья призорила скот и людей.

О людях с «хорошим» взглядом говорили, что их специально просили заглянуть в окно избы (чтобы в семье все было хорошо); им приносили еду: «принесут хоть рыбы, хоть чего».

[Анна Ивановна] с большой теплотой вспоминает о Дарье Кононовой (это мать

Андреевой Е. И., русская, родом из деревни Труфоново: см. пол[евые] записи 1989, 1990 гг.), которой все только здоровья желали. Рассказывают истории, связанные с ней.

Как-то лето было очень сухое, «дождя надо было». По ее совету, все женщины оравой пошли в часовню молиться. Не успели после моления дойти до дому как пошел сильный дождь, хотя на небе «нигде никакой тучки» не было.

[Рассказывали] разные истории о потере скота, который Д. Кононова помогала вернуть. К ней обращался и бригадир колхозный, когда потерялось 20 телок. Со слов информаторов, в тех случаях, когда скот терялся в лесу, Дарья Кононова ходила на кресты — перекресток дорог. Сама Дарья якобы говорила, что это «очень страшно — на кресты идти, но людям надо помогать», и она отправлялась «попробовать на кресты» и днем, и ночью. Кроме того что отыскивала — возвращала скот, умела лечить от укуса змей — *гада*.

Мария Ивановна рассказывала, что как-то у нее целую неделю не было овцы, и она решила, если скот[ина] вернется, она сделает завет в церковь. На следующий день овца нашлась, и Мария Ивановна не пошла на работу, а поехала в церковь, «завещание дала».

Особенно много людей, которые умели портить скотину и людей, было в Кореле. Корелой называют деревни Забелино, Моклоково, Селище, [жители Дятелки, напротив.] считают себя Русью. В Кореле было также много колдунов. Рассказывают об одной «настоящей колдунье — чухарке» (так называют венсов), к которой обратились, чтобы она помогла женщине: к [ней] ходил умерший родственник. Когда к ней приехали, она достала сундучок, поставила его на стол, открыла, [а] оттуда «как выскочат такие хорошенькие чертенята: глаза — крупенькие, рога — маленькие». Колдунья предупредила: «не пугайтесь». Видимо, к их помощи она прибегала, когда нужно было дать ответ: возможно излечение или нет. В данном описываемом случае она сказала, что поздно, т. е. она не поможет. В этом же сундучке у колдуньи были высушенные шкурки: «каких только нет — от лягушек, змей, крыс кожурей насушено».

Домовой. Дворовой. На расспросы о том, как он выглядел, женщины неохотно говорят, что никто [его] не видел. Но затем припоминают истории, в которых домовой принимал облик «то ящерицы, то змеи, то лягушечки». Однажды Мария Ивановна увидела у крыльца черную гадюку, котела ее убить, но «мать запретила; гадюка ушла в огород». Мария Федоровна поясняет: «Если тронули бы, то она убила бы». Другой случай. В люльку с ребенком заползла змея — «гад был запотца»; змею убили. Вскоре отец ребенка умер, и народная молва объяснила это так: «Гада убили, вот она мужа и убила».

Некая, не называемая информатором нечистая сила, есть и в хлеву. Мария Ивановна рассказывает, что как-то у нее со скотиной что-то произошло — «ненормальная стала». По чьему-то совету, она затаилась в хлеву у яслей ночью; через какое-то время «приходят три мужика и говорят: „Человеческим духом пахнет“» и уходят. Вся скотина после этого сдохла.

В народе считается, что хлев нельзя ставить на том месте, где росли тополя: «на тополином месте скотина не водится»; «все время что-нибудь случится: то вымя заболит, то в яму упадет». С этим ничего не поделаешь — «ничего делать; ничего не дойдет». У них в деревне был такой хлев, [где] в очередной раз внезапно умерла корова. Когда фельдшер вскрыл ее, [то обнаружил, что] «сердце было как камень».

Анна Ивановна рассказывает, что однажды, когда она гостила у родственников в городе, то попросилась лечь не на кровать (как обычно), а на полу у багарей. «Легла на пол, вроде еще не спала, как вдруг почувствовала, что на меня наваливается кто-то как медведь мохнатый, я стала его обеими руками от себя отталкивать, крикнуть не было сил. Так это „нечто“ наваливалось несколько раз, потом отошло, [тогда я] крикнула; моя родственница прибежала, спрашивает: „Что случилось?“». Объяснение следующее: Анна Ивановна легла на место домового («по-карельски то же *домовой*» — уточняет она, [отвечая] на мой вопрос). В этом случае надо было спросить: «Худому или хорошему?» (т. е.: «К худому или к хорошему?»), а он ответил бы, к примеру: «Хорошему»; отвечает «тухло», голосом как издали. Такие случаи — редкость: «это не каждому».

На неоднократные вопросы был ли домовый, отвечали неохотно, [что] никто не видел, не знаем. В ходе расспросов мать [Анны Ивановны] Мария Федоровна произнесла нечто в сердцах, [означающее], что об этом лучше не говорить; такое бывает, что лучше не говорить. Не желая продолжать разговор, ушла из кухни. В конце разговора констатировали, [что] «езде есть: хоть в хлеву, и в лесу, и в бане». На вопрос оставляют ли в бане воду, чтобы басеник помылся, отвечали: «Мы воду оставляем, 2 дня не сливаем, а мыло всегда в бане».

Также не известная и не называемая сила *водит* людей.

Один парень (1941 г.р.) пас лошадей; однажды утром пригнал лошадей и сказал матери, что сейчас придет и пропал. В конце дня его пошли искать жители Дятелки и Коростылева. С его слов после возвращения, история разворачивалась так: он шел по гладкой, ровной, хорошей дороге (хотя на самом деле он шел, не разбирая дороги через болота в сторону деревни Утликово); его встретил пастух Рожков Степан, который спросил: «Ты куда идешь, куда тебе надо?» Парень ответил: «Домой». С. Рожков вывел его на дорогу, которая привела в соседнюю русскую деревню Труфаново. Информаторы поясняют, что нельзя говорить «сейчас» в дверях — можешь «попасть на худой след», сказать «не в ту минуту».

Аналогичный, по мнению информаторов, рассказ о матери, отругавшей свою маленькую дочь и выставившей ее за дверь со словами: «Чтобы тебя черти схватили». Девочка ушла в лес и потерялась; ее искали неделю, а когда нашли, то у нее пришлось отнять одну ногу.

О судьбе. В дом с новорожденным — «маленький только рожон; в зыбке катается» — зашел чужой человек, *старичок*. Увидел зыбку, подошел к ней со словами: «Самый большой человек». Ему ответили: «Это не человек, это девочка». Посмотрев на ребенка, он отозвал отца и предупредил, что когда девочке исполнится 5 лет и 5 месяцев, и даже назвав число и точное время, она погибнет — «в колодеце утонет». Отец записал все это, заколотил колодец, но не уследил, и девочка погибла в названное время. Когда отец схватился, «она мертвая на крышке лежит».

Вторая история, рассказанная А. И. Артемьевой, повествует о некоем старичке-*милостяшке* (тот, кто просит милостыню), попросившемся на ночлег к местной повитухе. Женщина отказывалась его пустить, но он настоял. Причиной для отказа она назвала то, что ее дома часто не бывает, так как она помогает роженицам. К ней обращаются, когда «скотина не телится, овца не ягнится». В тот вечер повитуху так же позвали к роженице. Когда она собралась уходить, *милостяшка* посоветовал ей посмотреть с улицы в окно того дома, куда она шла, и [сказал]: «Что в доме увидишь, никому не говори». После возвращения повитухи от роженицы, где она «убрала, вымыла, все честь по чести сделала», на вопрос милостяшки

[об увиденном] ответила, что увидела в окне как бы повесившегося парня 18–20 лет; ей стало жутко. Старик посоветовал ей все это запомнить, но никому не рассказывать. Когда парню, родившемуся в ту ночь, исполнилось 18 лет, он повесился, не получив согласия матери не брак.

Сюжеты с *милостяжками*, т. е. опасными «чужими» (людьми), широко распространены.

Отношения с миром мертвых. В тех случаях, когда после смерти близкого человек очень сильно страдает, постоянно (в течение длительного времени) ходит на могилу, это объясняется тем, что мертвый ходит к живому, и, если вовремя не вмешаться, то мертвый заберет его с собой.

1) Мария Федоровна рассказывает о себе. После смерти мужа долго ходила на его могилу: «Иду, нарвлюсь — и мне хорошо». Как-то ей навстречу встретила знакомая бабушка, которая, узнав откуда она идет, зазвала к себе: «Иди на ручку»; брызнула ей в лицо водой трижды, «на лицо хлопнула, трянула — [я] больше ни разу не пошла на кладбище».

2) Анна Ивановна <...> рано овдовела, очень сильно переживала; умерший муж приходил к ней как живой: «Дожидаешь, чтобы увидеть, сидишь и разговариваешь». На вопрос, кто же это ходит, женщины объясняют, что это «нечистый ходит», и в этих случаях надо человека *отдельвать*. Отдельвать взялись Мария Федоровна (мать) и свекровь (русская). Когда в очередной раз «муж» пришел, «дверь открыл», свекровь держала в подоле нож, подкову и уголь и, повернувшись спиной к двери, кинула эти предметы в него (кидала, согнувшись через расставленные ноги); мать шагнула вперед со словами: «Вот. На тебе. Больше не ходи к моей дочке». Тот закричал: «А, ха-ха-ха, сука полудная, смекнулась, схватилась»; стекла в окне зазвенели — *бракотали*, люди в соседних домах услышали — испугались. После этого перестал приходиться.

К иным людям «годами ходят» мертвые. На вопрос, ко всем ли ходят, отвечают, что к слабым людям, которые все время плачут: «Ривишь, ривишь, в глазах видится» начинает, а «ему (умершему. — О. Ф.) любопытно, что дома делается».

3) Был случай, когда «брат задушил сестру»: умерший брат ходил к сестре и однажды ее нашли дома задушенной. Со слов информаторов, мертвые, ходящие к родственникам, обычно душат их.

О себе. Анна Ивановна работала две зимы у местной учительницы «за одни ботиночки». Потом мать хотела ее отдать в русскую деревню Труфаново, «а мы по-русски мало понимали», и она убежала из дома, спряталась у соседки до вечера, а уж когда пришла, то мать перестала об этом заговаривать. А. И. удалось три класса [про]учиться в Климово, а потом до 7-го класса училась в Озереве. Замуж (как и две ее сестры) вышла за русского в д. Росстани, по ее рассказу получается, что в деревне не знали, что она карелка. Однажды вместе с другими женщинами изгородь городили, пошли отдыхать. А. И. шла позади всех женщин, увидела лягушку и стала с ней по-карельски болтать. Сама объясняет так: «Я все по-русски, по-русски, соскучилась (по родному языку. — О. Ф.); не с кем было говорить по-карельски». Муж прокомментировал это так: «Вот и продала (выдала. — О. Ф.) ты себя». В другой раз развеселила женщин, исполнив частушки по-карельски. В ее репертуаре пять карельских частушек (исполнила: см. магнитофонную запись). На мои вопросы, как пели на свадьбе, женщины ответили, что длинные [песни] пели по-русски: «По Дону гуляет»; «Машенька»; при этом ссылаются на то, что так пели старые женщины, например, Поля Зверева (Пелагея

Михайловна Зверева: см. запись 20.01. и полевые записи 1990 г.). «У нас свадебных своих (т. е. карельских. — О. Ф.) не было». О колыбельных не помнят как пели — по-русски или по-карельски.

История. Раньше старые люди говорили, что сюда карелы «переселились с Эстонии или с Финляндии; финны тоже схожи [с карелами]». Эти переселенцы, ранние люди, жили и в тех деревнях, от которых остались только названия: «Лубениха, Мартыново, Жарн[иха]... — там все прахом теперь». Деревня Городок, там 5–7 домов, а «раньше был город, до Литвы», потому такое название.

Деревни Коростылево — *Користела* и Дятелка образовали семьи, переселенные из деревни Толсть. Там и сейчас есть фамилии общие с фамилиями д. Толсть, в частности, их — Андреевы (по отцу и деду). Об этой общности происхождения, по мнению Марии Ивановны, свидетельствует общий говор. А вот в Забелино говорят по-другому. «Мы большинство касаемся к Руси: у нас говорят мама, тятя, а там (в Забелино. — О. Ф.) — *tuamo, tuato*». Все сообща женщины вспоминают, что еще до войны в Толстях существовал обычай всем вместе ходить в баню: «В баню идут все — дедушка, брат, бабушка (их бабушка жила в Толстях), невестки; 3–4 семьи все одновременно». «У нас (в Дятелках) мужики идут вперед; дети (мальчики. — О. Ф.) чуть подрастут тоже с мужиками».

На вопрос, почему деревню называли «Дятелка», поясняет: «Лес, дятлы кругом». Из окружающих их русских и карельских деревень (называют известный им круг деревень) в разное время «кршивши» (т. е. порешили, уничтожили) Белый Бор (туда Мария Ивановна вышла замуж за русского и прожили они там 9 лет), Луга, Андыни, Моренно, Косково, Буян, Опоки, Восницы, Струпино.

Анна Ивановна, когда вышла замуж в Росстани (деревню) научилась у одной женщины (карелки) лечить грыжу, знает заговор на карельском языке, который записала, а потом выучила наизусть. Говорить заговор надо <...> «молча говорить» (т. е. про себя). Текст заговора отказалась мне говорить, иначе силы не будет у ее лечения, а она хочет еще «добро делать»; за свою жизнь она помогла приблизительно 100 человекам.

20.01. Накануне вечером приехали ребята — студенты III курса истфака ЛГУ, этнографы: Шляхтин Дмитрий Юрьевич (занимается православием в Китае), Нахаев Анатолий Владимирович (калмыками), Гомонов Александр Владимирович (Китаем) и Дзибель Герман Валентинович (северо-американскими индейцами). Работали в деревнях Дятелки и Коростылево.

Деревня Дятелки. Продолжение коллективного опроса в доме Петровой М. И.; активно участвуют в разговоре [обе] сестры <...>

Болезни. *Tulen lendämä* — эта болезнь выражается в прыщиках вокруг рта или распухании лица, губ, оплывании, потере зрения; 1) прыщики вокруг рта образуются, если в огонь плевать — в печь ли, в костер — все равно. Потом заболевшего надо лечить — «отдельвешь потом» с помощью бабушек.

Случай из жизни. Анна Ивановна рассказывает, что когда ей было лет 13–14 у нее однажды с утра «губы разворотивши», отчего не знает. В это время у них в доме останавливались на жилье ленинградские жители; один из них — мужчина, увидев ее, сказал: «Ох, милая», вышел из избы, что он там шептал — не известно, но у нее все прошло.

Другой случай. Жена привезла в деревню из Ленинграда своего ослепшего мужа; его пытались лечить в Ленинграде, но не вылечили. Богданова Клава — местная жительница, когда его увидела, то сказала, что нужно «баню сделать». Мужика сводили туда два раза и «свет вернули». К. Богданова знала, что «нужно сделать». Таких *знающих* было много и в карельских, и в русских деревнях;

2) *tulen lendämä* бывает, если идешь по дороге или выйдешь из дому и думаешь о чем-то своем, а тут — ветер в лицо.

Omahine — *своя* болезнь, когда человека *трясет* (эпилепсия?). Заболеть может и ребенок, и взрослый, главное сразу принять меры, тогда можно вылечить. Мария Ивановна рассказывает, [что] когда ее дочь Таня еще маленькой была, и она как-то стала кормить ее грудью, то та вдруг стала трястись, пена изо рта пошла. Они жили тогда в Белом Бору, и тетя Наташа Салтыкова (русская) сказала ей, что нужно перед следующим кормлением «снять трусы и голой попой ссать на личико» ребенка. [Она] стала кормить, а девочка опять затряслась, тогда она положила ее на кровать и сделала так, как ее учила тетя Наташа; муж ей кричал «дура, задушишь ребенка», но «все прошло» и больше не повторялось. Тетя Наташа было хорошая, добрая старушка, очень помогала Марии Ивановне, просить не надо было. Жили трудно, а тетя Наташа умела успокоить, говорила: «Горе переживешь». Когда семья <...> уезжала из Белого Бора, то тетя Наташа очень плакала, что расстаются. За эту ее помощь Мария Ивановна отдаривала — «давала, что могла».

Uöcitettäjä — я, видимо, настолько неправильно произношу название, что очень долго не понимали, о чем я спрашиваю. Они называют ее (что выяснилось в ходе разговора) *бессонница=зареница*. Когда ребенок плачет ночью (смутно в разговоре мелькает, что путает ночь и день) — «ни днем, ни ночью ребенок не спал», «полный месяц ревет», — этого нельзя допускать, так как ребенок наживет грыжу. Чтобы вылечить ребенка существовало несколько способов: 1. *На зарю ходити*. Надо было с ребенком на руках на заре подойти к окну или выйти на *нашест* (т. е. во двор) и сказать: «Заря-зареница, красная девица, дай сон, бери бессон(ницу). Аминь»; 2. *Сор подметать*. Мести сор в избе из углов к люльке, вернее, под люльку, при этом громко, «вслух магиться» и говорить: «Себе играй с ими, а ребенка не трогай, пусть она/он спит». Случай: однажды М. И. Петрова пришла в дом к тете Дусе, а та пол подметает и ругается, да так, что Мария Ивановна удивилась, почему она это делает. Тетя Дуся объяснила, и М. И. Петровой однажды пришлось прибегнуть к этому способу лечения ребенка от бессонницы: ругалась «из души в душу» (т. е. от души, сильно). На вопрос, по-карельски или по-русски говорили, поясняют, что ругались по-русски, а остальное — по-карельски (но получается, что и по-русски тоже). 3. Необходимо было для больной девочки сделать из лучины прялку (показывают — приблизительно 15 см высотой), «куделинку, верстено, ниточку (для привязывания *куделинки*) — как настоящую», а для мальчика — соху из лучины и положить за матицу [потолка] в лобном месте. Эти предметы мог делать и класть и муж — хозяин, и мать — хозяйка, говоря при этом: «На тебе прялочку, пряди, хоть играй, хоть ... (любое можно было сказать), забавляйся. Пусть ребенок спит» или «А ребенка не трогай», или «А ребенка не беспокой». На настойчивый вопрос, кому эти слова адресовались, наконец говорят: к *полуночице* — по-карельски *uöcitettäjä* (произношение иное, чем у меня).

Täin-taira (а не *täin-tahra*, как у В. Д. Рягоева) — «наподобие лишаев»; бывает разная: белая, красная, водянистая, сухая. Красную *täin-taira* мажут клюквой, «каждую бляшечку». Это может

делать каждый, сам себе тоже мажешь. Белую — мажут ржаным тестом; тесто берут до того как из него хлеб делают. Любую *tdin-taiga*, хоть белую, хоть красную, можно лечить вилами: поймашь вшу и ею против солнца каждую бляшечку обводишь (не ясно — один или три раза).

Обход. *Обходам* именуются: 1) обход скота на Егория — т. е. действие; 2) обход — текст, написанный для оберегания скота, увеличения удойности и т. п., может быть, и предметы пастуха.; 3) некий хозяин текста, предмета. Рассказывают о местном пастухе, который, будучи еще молодым человеком (парень), делал обход на Егория: «берет обход, обходит коров». Однажды он пас стадо в лесу, вдруг ему навстречу «из лесу идет высокий с кнутом, свистит» — коровы сразу вокруг пастуха собрались, а у того волосы дыбом встали. Рассказницы поясняют, что это был обход, который вышел потому, что кто-то либо обход (текст, предмет) тронул, либо на место не положил. Обход (текст, предмет) клали «и в речку, и под камень, и в корни» — смотря какой обход». Обходы все разные: на ягнят, на телят, на коров, на лошадей. Один «под камушек» кладут; тот, что в речку — «скотина больше молока дает», а если, все-таки, молока мало дает, то говорят: «Наверное, обход на сушу положен». В речку — означает у речки в песок. Если с того места, где на берегу зарыт обход, попили воды, то обход не действует (так как его тронули). Мария Ивановна говорит, что как-то нашла у свекра за печкой обход на лошадей: это был лист бумаги с текстом (она его сожгла); свекор был известен тем, что лошадей «и не пас»: он их выпускал, сам приходил [домой] ложился спать, а лошади вечером сами возвращались, всегда в одно время — в 6 часов; М. И. Петрова поясняет, что лошади привыкают приходить в одно и то же время.

Обход (текст) можно было дать, продать другому человеку на разных условиях: $\frac{1}{4}$, $\frac{1}{2}$ и целое яйцо; на деньги — 25, 50, 100 рублей. Тот, кто сдает обход (или продает), считается «уже как колдун».

Как-то во дворе Марии Ивановны «скотина мучалась», ей знающие люди сказали, что надо поискать воткнутый во дворе вересовый (можжевеловый) кол. Она нашла, и скотина выздоровела.

[Июнь 1991 г. В экспедиции участвовали сотрудницы ГМИР Т. Щербакова и ГЭ Е. И. Богданова.]

[Опрос в русской деревне Турандино, в доме Петровой Надежды Николаевны, 1915 г.р., русской; присутствовала её невестка — Никитина Александра Дмитриевна, 1927 г.р., карелка, в девичестве Шкапина, родом из деревни Бирючово; сюда (д. Турандино) вышла второй раз замуж за пастуха Никитина Степана Сергеевича, русского, 1923 г.р.; это была моя третья встреча со сновидицей А. Д. Никитиной].

Вступает в разговор Никитина А. Д. На вопрос о том, как она, будучи староверкой, оказалась хранительницей православной часовни, она объясняет, что крестится в этой же часовне по-своему (двуперстно); отмечу, что свекровь ее при этом сильно удивляется, так как она не знала, что Шура молится по-старообрядчески, на что та говорит, что она не показывает никому, как она молится. Слов «двосперстие/троесперстие» не знает, но показывает.

Русские староверы — *ozeroista*, которые приезжали в Бирючово всегда, особенно к Матрене Бирючевской, объяснили местным карелкам-старообрядкам: «Молиться нигде не грех, только молись по-своему. Хоть бы в лесу, хоть березка, хоть камень — ты свои грехи

или и сдай. Хоть березке, хоть камню: „Простите меня“, — так учили; и в церкви тоже по-своему молись».

Великий пост. Семь недель — «ни молочного, ни мясного, ни рыбного», только в «Рыбное воскресенье» и в Благовещение можно рыбу. Мать у Александры была очень верующая, говорила, что если что-нибудь молочного возьмешь, то черт, который жил в подполе, голову отрубит (т. е. пугали детей). Дети постничали уже с 5–6 лет.

[Она] вспоминает, как мать велела ей переложить из крынок творог в Великом посту и вымыть их, так она мочалку сосала, которой мыла эти крынки.

Постная пища: брюква, свекла, квас, картошка; заусту — hutu — делали, постные щи, пироги с грибом, гороховики, гречневники, «солонуха — imela — стогодичная (т. е. древняя пища. — О. Ф.): [там и кюквя], капуста, туда квасу».

Поминки. [Мой вопрос о разнице между поминками старообрядцев и православных]. «Двенадцать смен/перемен на поминки: суп, щи, яичню, творог, волнух наварят, киселя геркулесного, хоть с крахмалу, и сейчас в Корелы так. На поминках 12 смен делают. Только домашнее — 12 смен, а мирские едят и колбасу, и салаты — едят отдельно, а книжницы такого и есть не стали. Водку не пили».

Книжницы. В Коргорке была книжница Иринья, которую звали «reiprä tiedi» — такая маленькая была; замужем не была. А в Бирючово была Иринья Бирючовская, тоже замужем не была, «но у нее было» — прижила ребенка от зятя, мужа сестры. Сестра А. Д. Оля (Лена) дружила с этой Ириньей и маме рассказала по секрету, что Иринья беременна. Этих сведений я раньше не слышала. По ходу рассказа выясняется, что сестра Александры Дмитриевны Оля (Лена) окривела на один глаз после оспы, а у других братьев и сестер, болевших оспой, лица были в рытвинах, так как прививки от оспы делать — грех.

А. Д. Никитина рассказывает о себе и своей подруге, с которой ходили «учиться» к Матрене Бирючевской — старшая сестра настаивала на этом. С малости ходили учиться (лет в 6–8), но Матрена сказала, что гулять им уже не придется ходить: «Уж какая гулянка, если богомолками будете». <...> Лет в 12 они перестали учиться.

«Богу молиться, по божески петь — все, все умею, все молитвы читать учили. Как будут петь на похоронах — будут по-карельски, а здесь (в русской деревне Турандино. — О. Ф.) я подтягиваю, а у нас не так; а дома — по-своему». В доме у нее икона, которой ее благословила (во втором браке) сестра, староверская, Тихвинская. Об этой иконе Александра Дмитриевна говорит, что она помогает при детских болезнях — omahine, omahizesta.

Договаривались о крещении накануне; потом делали подарки Матрене, но не деньгами (Никитина сокрушается, что денег у них тогда никаких не было — «не видали их»).

Когда Александре было 20 лет (или 21 год), то она гуляла с парнем из своей же деревни, Степаном; он очень ее домогался, хотел жениться: «бегал так за мной, пяты рвал, что мне

Болезни. Умеет лечить некоторые болезни; научилась этому у своей матери, которая знала многое и хотела, чтобы и дочка научилась. Никитина рассказывает, как ее мать лечила omahine у детей. Выстригала немного волос крест-накрест с уха и надо лбом, с другого уха и на затылке, а ногти — с одной руки (допустим, правой) и левой ноги, потом с другой руки и ноги. Потом все это она вкатывала в vaha — воск и что-то читала *malcha* (про себя); все говорила перед смертью: «Доча, учи». Потом эти катыши вкладывала в дырочку, сделанную

в правом косяке двери (вернее, с той стороны двери, куда она открывалась) на уровне головы ребенка, и затыкала деревянным гвоздиком. У матери весь косяк был в дырочках.

Помнит способы лечения от грыжи, *полуночицы* у детей и сейчас делает, никому не отказывает. Тексты произносит по-русски, но пересказывать их отказалась, потому что тогда у нее самой *памяти* на заговоры не будет; этим Александра Дмитриевна объясняет, что знающие женщины передают заговоры только перед смертью, когда им самим это будет не нужно.

Мать заговаривала по-карельски, русского вообще не знала. К ней ходили даже цыганки. Одна цыганка привела своего ребенка, и мать сказала, предупреждая, что «либо пойдет на жизнь, либо умрет». Та ответила: «Бабушка, уж что будет — я измучилась. Если на смерть, то ребенок умрет». Но она (мать ребенка) «была готова на все». После лечения прошло много времени, цыганка пришла, когда ребенок уже вырос, с подарками — красивыми платками: «зеленый с кистями, кирпичный с цветами — горьми горят, с цветам». Мать отказывалась, говорила, что за плату ничего не делает, но та настояла, что это подарок. <...> Умела лечить от *доснешки*, от *колотья* в боку — «поставит человека клином». У матери была *мордочка свиная* (пяточок свиной); от *колотья* она водила этой мордочкой по телу больного. [Лечила] и от живота, и от пупа — «пуп скрянувши» (когда поднимут что-нибудь тяжелое). Мать при этом «закручивала» пупок. А. Д. Никитина видела, как мать это делает (сама тоже умеет). После «закручивания» пупка ложились на теплую печку. У ее ребенка (только что родившегося) была грыжа, и Рябиничева Нюра (из деревни Новинка) посоветовала ей ткнуть спичкой в пупок ребенка — «ребенок посинел, задохнулся, а потом вздохнул и все прошло». Другой способ лечения грыжи — с помощью водяных тараканов, которые *выкусывали* грыжу.

Еще один способ: *выложат* кота (отрежут яички), высушат яички, кладут их в воду и заговаривают; этой водой «фрожок попили» — и все прошло. Говорили, что эти сушеные яички можно использовать неоднократно: сохранить и передать кому необходимо. Можно и в молоко положить. Надежда Николаевна Петрова, которая это рассказывала, закончила историю словами, что «кот рассердился и съел собственные яички».

На вопрос, обязательно ли знающему заговоры передавать их перед смертью, А. Д. Никитина говорит, что нет, так как «это ведь не черти, что обязательно», «это ведь не худому — не завораживаю, а помогаю людям». [Она] умела и скотину искать, научилась от матери, но теперь забыла, как это делается. Однажды поросенка нашла, который «на худой след попал, его и не видно».

Грех. По дороге к часовне, Александра Дмитриевна рассказала об Ирине Бирючевской (см. выше), которая прижила ребенка от мужа своей сестры и, родив его тайно, задушила и где-то (под часовней?) захоронила. Об этом А. Д. узнала случайно от своей сестры, которая никогда никому об этом не рассказывала; сама Никитина сказала, что и она раньше никому об этом не говорила, но сейчас никого не осталось в живых из сверстников Ирины, и потому она считает, что можно об этом рассказать (да еще нам, незнакомым людям). А. Д. помнит, что сама Ирина Бирючевская иной раз говорила, что у нее есть грех, который ей никогда, *во веки*, не отмолить.

Разговор в часовне. Из того, что я ранее не слышала. В часовне хранят крашеные и некрашеные яйца: первые приносили после Пасхи, а вторые — накануне; с этими яйцами обходили постройки во время пожара, но делали это те люди, которые знали, что нужно

говорить. На мой вопрос, почему *вербочки* завязаны красной тряпochкой, пояснила: «Потому, что перед Пасхой». Подтвердила, что яйца красили и на Троицу и с ними шли на кладбище.

Я попробовала еще раз выяснить, как она, староверка, оказалась при *мирской* (православной) часовне. Объяснила, что прежняя хранительница захотела отдать ключи именно ей; недавно она спрашивала у *попы* в Сомино можно ли ей убираться в часовне, тот позволил.¹²

Конец света. Никитина А. Д. рассказывает, что когда она была еще девочкой, старики рассказывали о том, что «будет весь свет окован железом». «Вот теперь-то соображаем, чего он нам говорил — небо проводами затянуто». Еще говорил: «У каждого крут руки змея будет — это часы», а мы, девчонки, пойдем [и между собой обсуждаем]: «Это грех-то какой!» Они спрашивали: «Дядя Федя, а это что?» — «Узнаете, доченьки, потом». <...> Объясняет это знание тем, что «у него была Библия, которую он читал». Из того, что он предвещал, помнит следующее: «В каждом доме будет змея шипеть — это радио. Раньше ведь ничего этого не было — ни радио, ни проводов, ни света — темные мы были. Он говорил, что это будет до 2000 году; весь свет будет гореть, и останется людей на шестисаженном бревне — сколько войдет». Александра Дмитриевна думает, что мы живем последние годы. *Книжницы* — бабки тоже читали книги, но этого не говорили. Это был дядя Федя Рыжов — его звали Рыжой.

Исповедь. О себе говорит, что молитвы знает с детства, так как ходила в *моленную* (моленный дом) с раннего детства — лет с шести. На мой вопрос, знала ли она русский язык тогда, отвечает, что по-русски не говорили, а молитвы запомнила. Сейчас тоже молится, как и что помнит, но вместе с тем осторожно добавляет, что «может это и грех — может и не так молось». «Корелы и сейчас грехи сдают в Великий четверг на Страшной неделе — пред Пасхой», но она никогда этого не делала «и не пойду». Тетя Матрена Бирючовская ей в свое время говорила, что можно «хоть к березке, хоть к пеньку подойти, хоть к камню — и сдавай свои грехи, что у тебя на душе есть, чем грешна, и никто не узнает». Когда она пересказала это своей подруге, Кругловой Евгении (из деревни Дубровка), приглашавшей ее *сдавать грехи*, та откомментировала ее объяснение как правильное.

О себе. «Я, наверно, несчастная; судьбы не выпало; парень (сын. — О. Ф.) — нагулянный». Рассказывает о своей трудной жизни: «Если мне бояться (после всего, что выпало на ее долю. — О. Ф.), то не жива́ть».

Первый раз вышла замуж, когда у нее уже был ребенок, за вдовца с шестью детьми — пожалела детей, но жили очень хорошо; муж уважал ее, заботился об ее сыне. После замужества она жила в Казахстане, муж был украинец, родом из Павлодарского края. Александра Дмитриевна шепотом говорит, что «если бы услышала, что он вернулся (с того света. — О. Ф.) побежала бы к нему босиком». Через год после смерти мужа поехала в родные места погостить, встретила там Никитина, вдовца, и он упросил ее выйти замуж. Опять, как говорит Александра Дмитриевна, пожалела человека, но не любит и не уважает его; с семьей своего мужа и внучкой общается.

Сын был крещен Матреной Бирючовской в *моленной*. «Крестница (крестная мать. — О. Ф.) умерши, а крестник (крестный отец. — О. Ф.) в Ленинграде живет». <...> Присутствовала при крещении. «Была кадка большая, деревянная» поставлена перед иконами; вода нанесена из колодца, холодная. Александра Дмитриевна причитала, но Матрена ей строго сказала: «Не совайся, хочешь — стой». Три раза окунула ребенка с головкой — ему

было восемь дней от роду — не крикнул, съежился только, красный стал как кумач». А. Д. Никитина говорит, что и другие дети от крещения в холодной воде краснеют. *Крестница* на руки на пеленки принимает и крестик одевает(?). Во время крещения баба Матрена говорила: «Крестится младенец Михаил». Сына не хотели называть Михаилом, потому что родился он на следующее утро после Михайлова дня. На этот день полагались такие имена, как Пуды и другие подобные. Александра настояла на своем, в противном случае сказала, что вообще не даст крестить. Матрена объясняла ей, что называть именами, которые приходятся на дни, следующие за днем рождения, нельзя, но та [Александра] убедила ее: «Ну-ка вот вырастет, будет всю жизнь на меня обижаться».

Договаривались о крещении накануне; потом делали подарки Матрене, но не деньгами (Никитина сокрушается, что денег у них тогда никаких не было — «не видали их»).

Когда Александре было 20 лет (или 21 год), то она гуляла с парнем из своей же деревни, Степаном; он очень ее домогался, хотел жениться: «Бегал так за мной, пяты рвал, что мне нельзя было выйти гулять». Время было такое, что *робят* в деревне не было, и одна деревенская *девка* (продавщицей работала), решила отбить у нее жениха. Она искала колдуна и нашла в деревне Бочагино (в сторону деревни Буян). И вот однажды, «когда уж ему сделали», Степан пришел к Александре Дмитриевне и говорит: «Шура, знаешь, ведь я тебя не вижу, а голос — твой; пока на работе — рвусь (к тебе. — *О. Ф.*), а приду — ты как черная змея вьешься, — вот как ему сделали». На это она ему ответила так: «Господи, бери ты (замуж. — *О. Ф.*) кого навидишь». Она уже знала, что с ним сделали. Получается, что и Степан это знал и потому просил ее помочь ему — найти людей, которые его бы *отговорили* от этой порчи, но Александра сказала: «Грех на душу брать не буду; никогда никого не искала, чтобы хозяина хорошего нашли — никогда... Не нравлюсь — и не надо». Он просил: «Ты мне очунь мила, а я тебя не вижу; голос твой, но вот черная змея — я не смею к тебе подойти».

Женился он на этой девке — *своине* <...> в Донскую (1 сентября) — праздник иконы Донской Божьей матери в Селищах. Накануне пришел к ней (Александре) со словами: «Шура, я оставляю тебя». <...> — «Оставляй, оставляй, может, 30 раз покаешься». С ней говорили многие ее родственники, убеждая в необходимости найти *знающих* людей, которые отговорили бы Степана, но Александра Дмитриевна не согласилась на это, говоря, что даже если бы она нашла колдуна, ее соперница «все равно повторит сделанное. Зачем я буду себя мучить; рожу, выращу». Ходили к ней и родители Степана, не пустившие сына с женой в свой дом; и «в байне не мылся дома» — не пускали его родители. Потом они выделили ему избу (из двух изб, стоявших под одной крышей), но к себе запретили ходить.

1 сентября Степан женился, а 21 сентября, в праздник Богородицы (это праздник в ее (Александры) родной деревне Бирючово), пришел к ней под окно, [но] она его обругала по-всякому: «Чего ты бегаешь, уходи». После этого Степан изрубил сундук с приданным своей жены и с ружьем кинулся на жену; та в одной сорочке огородами убежала к матери своей. Вскоре Александра Дмитриевна родила сына. Степан приходил, просил посмотреть сына, но она его в избу не пускала, говоря: «Будет на улице бегать — и увидишь». Когда ребенок подрос, Степан и его жена приманивали его к себе в дом. Маня (жена Степана) продавцом работала — «то рубашонку, то штанишки дарила», хотя и свои дети у Степана и Мани были. Когда жена Степана умерла, он пришел к ней (Александре), а та в сердцах плюнула ему под ноги: «Вылижи! Сладко тебе? Я тогда гадом (тебе казалась. — *О. Ф.*), а ты мне — теперь».

Степан уговаривал ее тем, что ребенок у них *свой*, но она отвечала, что сын-то свой, а его дети (Степана) ей чужие: «Я, может, за цыгана пойду (замуж — *О. Ф.*), но не за тебя. Была грешна один раз, больше не буду». Никитина сетует, что ведь молодая была: вечером гармошка играет, девки гуляют, и ей хотелось. Она «охотница была плясать». Когда у матери отпрашивалась пойти погулять, та ей напоминала всякий раз: «Гуляй, да ум не потеряй». Она отвечала ей: «Один раз ошибилась — надеялась на него». Жена Степана перед смертью во всем призналась: «Ходили на Бочатино тебя отлучать от Степана, отворожили Степана». Жили они нехорошо; родители Степана не принимали их обоих, ее не любили; она к своим родителям в *байто* ходила. На эти откровения Александра сказала ей, что она ей «прощать не будет — Бог простит, так, как хочет». Мать — *богомалка*, узнав как [дочь] себя повела, убеждала идти к умирающей — простить. На следующий день она все-таки зашла к Мане, которая снова просила у нее прощения: «Прости, Шура, во всем-то я виновата. Прости, мне не умереть». На это Александра сказала: «Бог простит» и ушла. Вечером Маня умерла.

Погребальные обряды, поминки. <...> Раньше это (обмывание) делали опытные, пожилые женщины. «На Бирючово была старая дева тетя Агафья Ратникова (Огобабка), которая обмывала покойников». По мнению А. Д. Никитиной, теперь это делают те женщины, которые не боятся покойников. Мыли не очень холодной водой: «холодной напугаешь и покойника», с мылом и мочалкой. Обмывать начинают с лица, потом голову: «намоешь, потом оденешь». Воду, остававшуюся от мытья, выливали под рассадник — небольшой деревянный сруб, используемый для рассады огородных культур, капусты, огурцов — «на улицу нельзя выливать». Мыло и мочалку клали в гроб — «в ноги, в уголок». На мой вопрос, клали ли в гроб какие-нибудь другие предметы, Александра Дмитриевна отвечает, что нет. У матери, когда она умерла, на голову был надет черный платок с касмочкой, «вперед подвязан». <...> Здесь, в Турандино, платок не подвязывают, а просто накладывают концы платка друг на друга. У матери *на смерть* одежда была приготовлена: платок, рубаха с длинными рукавами, как у староверов, и сарафан — *китайка* черная — новые, специально приготовленные, сшитые вперед иголкой, как и положено, а также подушечка и саван. На ноги надевали чулки, «сшитые с точки», белые, и тапочки также из домотканины, белого цвета. На мой вопрос, была ли разница в одевании людей разного возраста, в частности девочек, девушек, молодых и пожилых женщин, отвечает, что нет — всем надевали платок и все остальное. А маленьким мальчикам только рубашку длинную и *саванок*. О себе уже сказала родным, чтобы ей саван не надевали, мотивировка: «не хочу»; чтобы гроб не околачивали (не обтягивали тканью), а выжгли паяльной лампой. О гробах — колодах не знает и говорит, что и раньше у всех были тесовые гробы (из ели и другого дерева).

На третьи сутки покойника положено хоронить. «А ежели вот, например, человек по несчастному случаю [умер] летом, то нельзя трое суток, не выдержит, то на вторые сутки хоронят. После обмывания и обряжения покойника кладут в доме на скамейки».

Когда я спрашиваю, есть ли разница в погребальных обрядах в *Кореле*, в русской деревне Турандино, где теперь живет А. Д. Никитина или в Павлодарском крае, где она жила раньше, получаю ответ: «Здесь проще» во всем, например в еде. Здесь, в Турандино, не молятся над покойным у гроба: все попросту, деньги кладут в гроб, а в *Кореле* — нет. Эти деньги потом несут в церковь для отпевания (?). На поминки в русской деревне готовят еду, по словам

Александры Дмитриевны, «как на гулянку» — и холодец, и салаты. В Кореле раньше этого не было: «волнух (грибы-волнушки. — О. Ф.) в печку ставят, творогу, картошку, каш всяких наварят». У русских она каши на поминки не видела: «Каш не ставят в Руси». «А в Казахстане только три смены: борщ, блины обязательно, манная каша или шоре и компот или кисель. Первое — это блинам и кутьей помянут». Здесь, в Кореле (как и в русских деревнях), первым поминальным блюдом является кутья.

У староверов первыми садились за стол *богомолки*, и поэтому им ставили в отдельной посуде кутью — «через нее они молились». Судя по рассказу, кутья ставилась перед иконами, поперек миски с кутьей клали ложку. После молитвы они приступали к кутье; остальным присутствующим на поминках кутью раскладывали по отдельным мискам, но не в те, что отмаливали богомолки. Таким образом, уточняет А. Д. Никитина, отдельно ели *книжницы*, *viellazet* (*vierolazet*)=староверы и *požonat* — «старые люди, но еще не ставшие староверами» и отдельно от них *mirskoi*=мирские.

На мой вопрос, кто такие *požonat*, отвечали, что «они едят с одной чашки»; *požonat* — это пожилые люди, которые по своему желанию могут стать и староверами, для чего надо три поста подряд постничать: Великий, Рождественский (тоже 6 недель?) плюс летний.

Как принимают в староверие — не знает, не видела. <...> Рассказывает о своей подруге — жительнице деревни Новинка Кругловой Евгении, которая стала староверкой, хотя у нее жив муж, но «она его не касается». Круглова объясняла, что после того, как она погостит у нее в этой деревне (Турандино), то каждый раз нужно 40 *листовок* (лестовок) молиться — т. е. отмаливать грехи за принятие пищи из чашек, общих с мирскими.

Грех. Александра Дмитриевна заметила, что когда Е. Круглова приходит в гости, «то не гораздо ест» — только «чашку чаю выпьет». [Она] спрашивала подругу, почему та не берет с собой свою чашку, ведь раньше, идя на праздники в соседнюю деревню, всегда брали свою посуду, но и после этого староверам приходилось молиться 20 листовок (за сам факт сидения за общим столом с мирскими).

Что есть грех? «Греха много». Грехи есть у всех: и у староверов, и у книжниц они тоже есть (рассказ А. Д. об Ирине Бирючовской).

Поминки. Пока покойник в течение трех дней находится в доме, идет подготовка к поминкам. Необходимо, чтобы вся еда была горячей: «У нас в Кореле все должно быть горячим», поэтому заранее еду не готовят. «Каша, яички, киселя — 12 блюд надо приготовить, но ранее не готовили, а тоже рано с утра; сама не успеешь, соседи помогают кто что: кто печь булки берется, кто другое». Обращаться с просьбой о помощи можно было не только к родственникам, но и к соседям. Вставали для приготовления поминальной пищи очень рано. Разжигать печь в доме, где умер человек, было нельзя, поэтому «пекли в чужой избе, а готовили в той, где умерший». Хоронить надо было до 12 часов. На вопрос, как объяснялось это правило, А. Д. Никитина ничего сказать не может: «В Корель гроб не выносят, молятся». После того, как обмыли и одели покойного, ему клали иконку, а *листовку* — только староверам. По этому поводу Александра Дмитриевна рассказывает, что когда умер ее брат Вася, то ему «сунули листовку», после чего он не раз приснился (ей) со словами: «Как я обидевши на тебя, Шура, зачем ты колокол (листовка по форме напоминает колокол. — О. Ф.) мне дала, теперь на всю жизнь этот колокол мешать будет». Брат не был старовером, и в этом случае нельзя было

покойнику надевать на руку лестовку. Брат, Шкапин Василий, повесился — «задавивши»; как объясняет Александра Дмитриевна <...> таким образом он избежал предстоящей операции на сердце. В связи с тем, что он умер не своей смертью, над покойным читалась общая молитва «Всем святым», а не та, что читается над умершими естественной смертью с названием имени покойного. При отпевании брата (что не всегда делается над самоубийцами) имя его в молитвах не упоминалось. Книжницы на кладбище в этом случае не ходят (позже выяснилось, что им не положено ходить на кладбище). Похоронили брата на кладбище, «только не так». И в доме книжницы не прощались с братом.

[Александра Дмитриевна] с обидой на книжниц рассказывает, что общие правила похорон и поминок нарушаются ими для своих — родственников, даже если они мирские или умерли от несчастного случая. [Она] пыталась выяснить это у Ирины Бирючевской: «Ведь грех — для всех грех — для староверов и для мирских» (имеется ввиду насильственная смерть для этих двух категорий общества), но ответа, удовлетворившего ее, не получила: «Разве они скажут?» Ирина Бирючевская на похоронах Василия Шкапина не была, но «на девятины пришла и на сороковины была». На всех этих поминках чего только не было — «птичьего молока только не было»; родственники из Москвы привозили много разных продуктов. На вопрос к И. Бирючевской: «Почему вы обраковали похороны, не пришли?», ответ был один: «Не знаю, доча». На поминки приходили все, кто хотел; бывало три стола накрывали, чтобы всех принять. Первыми садились за стол староверы, поџонат и те из мирских, кто не пьет водку. А потом все остальные садились. Никитина подтверждает, что старый человек, предчувствующий свою смерть, может заранее распорядиться о порядке своих похорон и поминок — запретить водку и т. п., но теперь с этой волей покойного не считаются.

Бывали случаи, когда люди знали о своей смерти, заранее мылись и одевались. Так было с бабушкой, которая просила, чтобы ее не обмывали, так как она сама намылась в доме (не в бане). Александра застала ее за этим делом и когда спросила, что она делает, то получила ответ: «Завтра я умру». [Девочка] <...> рассказала об увиденном своей матери (бабушка жила отдельно от них, в доме напротив). Мать побежала к бабушке, та повторила свои слова и просьбу не мыть и не одевать ее; когда вечером они пошли в дом бабушки, то он был заперт изнутри, она их непустила. Утром ее застали мертвой, лежащей на скамейках перед иконами. На мой комментарий, что такие случаи были, наверное, редкими, А. Д. Никитина сказала, что, напротив, такое было довольно часто. Были и есть люди, которые знают не только день своей смерти, но [и дни] смерти своих близких, родственников, знакомых. В частности, Евгения Круглова знает, когда, в какой день умрет [подруга], но не говорит ей об этом; сама Александра Дмитриевна этого знать также не хочет. Круглова знает о [дате] смерти и других знакомых ей людей.

Продолжая опрос о похоронах, я задала вопрос, кладут ли листовку умершему поџонат. Никитина поправляет меня, что человек может быть поџонат, но «потом-то он оstarоверится», т. е. она считает, что этот переход из поџонат в староверие обязателен и не зависит от желания самого человека. Вместе с тем смерть может прийти и неожиданно, когда переход в старую веру еще не завершен, но как поступают в таких случаях Александра Дмитриевна не знает. Е. Круглова уже дала листовку на смерть, сделанную ею самой. У матери также была

специально приготовленная лестовка на смерть, другой она пользовалась во время молений. Лестовка — обязательный атрибут похоронного обряда, сейчас в основном пожилых женщин, перешедших в староверие; мужчин-староверов, умерших в последние годы А. Д. Никитина не припоминает, хотя на ее памяти такие были раньше (тетя Ганя и дядя Никита из деревни Толеть — муж и жена, ходившие молиться в моленную).

Книжницы. <...> Александра Дмитриевна не слышала о том, что Матрена училась в Москве; ей кажется, что этого не было: «Раньше и Москвы не знали; по-русски она не говорила». <...> Читать книги Матрена Бирючовская научилась от кого-то здесь же, а научившись сама, она смогла обучать и других, например, тетку (perpā) из Коргорки (тетка Ирinya) и Иринью Бирючовскую. Писать не умел — «ни бум-бум» — никто из этих наставниц. Хотя и были церковно-приходские школы, но староверы туда своих не отдавали — нельзя было. Многие знали молитвы наизусть, выучивая их на слух; в качестве доказательства А. Д. вспоминает о своей слепой сестре.

Свадьба. [Петь] свадебные — «долгие» песни, по мнению Никитиной, не грех — так положено. «Как же замуж отдавать и не петь». Пели, когда ввели девушку-невесту в *байню*. Пели песни по-русски, хотя русского не знали. [Она] считает, что карельских свадебных песен и не было. И плясовые, и хороводные — все исполнялись на русском языке. [Ее] мать была мастерицей петь *долгие* песни.

Особенно любили петь на беседах и молодые, и *бабьё*: молодежь собиралась отдельно, а женщины — отдельно; последние собирались в доме у ее матери. Вспоминает: иной раз «тихо у нас сегодня на беседе, пойдем на съезд» (съезд дома); однажды на таком съезде (во время такого пения) одна женщина «скинула дочку» — родила. На беседы, стало быть, ходили все возрастные группы. «Бабьё уже были в годах, а все на беседы ходили». Рожали женщины — пока могли. Мать Александры Никитиной родила ее в 55 лет, после чего, в 58 лет, родила последнего своего ребенка — сына; когда она была в положении, муж умер. Раньше по 10–14 детей было в семьях: не делали ничего с собой, рожали. На мой вопрос, до каких пор женщина считается молодой, а не старухой, не очень уверенно отвечает, что до тех пор пока рождает, вроде бы, молодая: «Ежели рождает, то и не старуха». Сама она «бросила носить» (прекращение месячных) в 44 года.

Длинные песни — *долгие* песни — «это не частушки»; пелись они не только на свадьбе, но и когда гуляют. Песни можно везде петь. Но свадебные, специальные песни — Александра Никитина [их] перечисляет — пелись, «когда выдают девчонку или оплакивают, когда в байне последний раз моют». Так было раньше. Она [уже] не помнит свадебных песен. Ее старшая сестра вышла замуж *самоходкой* — так было принято. Матери сваты сказали (о ее дочери, старшей сестре Александры): «Мы сегодня придем красть». Мать и не поняла, что речь идет о дочери. Вечером дочь не пришла с гулянки, тут мать стала спрашивать, и ей сказали, что дочка «ушла к Сеничевым». Утром дочь с парнем пришли в дом матери; потом была свадьба: «А чего сделаешь, дети ведь свои».

На свадьбу невесте в Кореле надевали особые *сороки* — *kulda* — *золоченки*. «За столом она уже в этой сороке; косы уже заплетены — *palmikot*». Она не помнит, чтобы поверх сороки невесте надевали красный платок, как это рассказывали женщины в Селищах. <...> *Ферязей*

(круглые сарафаны) и сорок было много у Варвары Рыбаковой, и когда бегали ряжеными (*самокрутками*), то брали у нее эти ферязи и сороки.

Сватами могли быть родители, подруги (таково мнение информатора). Через неделю после свадьбы у жениха «идут к девке» (в дом — *miešüttolečimä*), где собиралась родня со стороны невесты.

Сны. Приблизительно лет 10 назад А. Д. Никитиной приснился сон: входит она в часовню, а там у *мурашевника* (муравейника) сидит мужик с рыжей бородой, похожий на Рыжова Федора — Рыжого, который рассказывал им в детстве о конце света. Она спрашивает его: «Не кусают ли тебя?» Тот отвечает: «Нет» и советует и ей каждый год ходить в эту часовню. Тетя Шура обошла все часовни в округе и не нашла такой, какая ей приснилась. «На душе беспокойно», что не нашла этой часовни.¹³

Сон пожилой женщины, встреченной на кладбище у русской деревни Чисть, куда мы пришли 9 июня, в день Нила Столбенского — местного престольного праздника. Накануне праздника ей приснился сон, из которого явствовало следующее: она должна взять из дома имеющуюся у нее икону Нила Столбенского (видимо, сохраненную ею после разрушения часовни в 60-е гг.) и, пронеся ее через всю деревню до кладбища, поставить на месте часовни, что она и сделала. А. Е. Наперенкова, с которой мы пришли в этот праздничный день на кладбище, зажгла перед этой иконой свечу и осталась перед ней, пока свеча не сгорела.¹⁴

[Июнь-июль. 1994 г. Совместная экспедиция РЭМ и Российского института истории искусств в лице Михаила Александровича Лобанова]

[Опрос в русской деревне Турандино у Никитиных. Участвуют: Александра Дмитриевна Никитина, 1927 г.р., карелка, в девичестве Шкапина, родом из деревни Бирючово; ее муж — Степан Сергеевич Никитин, 1923 г.р. Четвертая встреча с А. Д. Никитиной.]

О душе. Спрашиваю о том, что такое душа человека и что с ней происходит после смерти. Бабка Ирinya (Бирючовская) говорила: «Душа улетает сразу»; «человек умер, его похоронили, а душа-то живет, душа на небеса уходит»; «до сорочин душа должна облететь все места, где при живности [бывал человек]»; «душа живет всегда — улетает на небо». Но сама Александра Дмитриевна не очень в это верит. На мой вопрос, кто же приходит к живым после своей смерти, отвечает: «Черт, не душа». Тут в разговор вступает муж — Никитин Степан и говорит, что это «своя кровь ходит», но А. Д. Никитина перебивает его и вспоминает, как к ней приходил ее умерший первый муж. Стали искать *бабушку*, чтобы *сделала* что нужно, т. е. чтобы перестал ходить. «Вся изба задрожала, все вскочили», когда *его* отваживали от дома. С. Никитин говорит, что и его первая жена после смерти приходила к нему в течение месяца «как живая». Обратились к одной пожилой «знающей женщине» из д. Шульгино и она что-то сделала (не знает что), и *та* перестала ходить.

Спрашиваю, а где душа у живого человека (Петрова Н. Н., пришедшая в гости к Никитиным, не знает). Рассказывает еще одну историю. Муж сильно пил и повесился. Его жена — тоже любительница спиртного. После того как его похоронили, *он* стал ходить к ней. И однажды, когда дочь готовила баню и зашла в избу, то увидела, что у матери и белье

приготовлено, а сама стоит на коленях у дивана, уткнувшись в него лицом, и видно, что *задавлена*. Было это в Ефимовском, с кем-то из этих мест.

Ходят к живым не только самоубийцы.

К матери Александры Дмитриевны ходил сын, которого зарезали. «Он даже ночью ходил: тронет за ногу и тихо говорит: „Мама, вставай, пойдём“». Все в доме караулили, сторожили *его*, поэтому *он* ночью потихоньку ходил. Когда родственники слышали его, то ругались, и *он* уходил. Мать корову доит и *его* видит. Нашли бабуку, которая знала, что сделать, и перестал ходить. Теперь таких бабок нет.

Спрашиваю, есть ли душа у скотины? А. Д. отвечает утвердительно: «Скотина тоже человек».

На мой вопрос, куда после смерти попадает душа, если человек пьяница или самоубийца, — в рай или в ад, отвечает: «Если задавится, какой же рай?» и рассказывает сон, в котором ей приснился повесившийся 22 года назад брат Ваня. Ваня принес ей две колбасины со словами: «„Ты ешь, а мне там дают, как лошади овес и сено. Меня кормят, как скотину: как лошадей, так и меня“», а как поехал на лошади — лошадь такая высокоунная, а искры... (из-под копыт. — *О. Ф.*)!»

Пытаюсь выяснить, можно ли передать привет умершим родственникам, когда кто-нибудь из них снится или приходит как живой. С. Никитин говорит, что, напротив, надо *матиться*, ругать, чтобы не приходили. Даже если родители приходят, ведь это «худой дух припюцца». Спрашиваю: «Кто живет на кладбище — тело? Уточняю — *syndyzet*, предки?» Вопрос и карельский термин не поняты.

Гадания. Александра Дмитриевна слышала в этом слове *šuduzet* — т. е. те, кто *чудят*, ходят слушать на кресты суженого-ряженого — «где с какой стороны жених будет».

<...> Рассказывает, что *ходить на кресты* надо было *парнио*, т. е. число гадающих обязательно должно быть нечетным, поэтому бывало, что брали для нечетности ножик, вилку. Отправлялись в 12 часов ночи, брали лучину, которой очерчивали круг, внутрь которого и вступали гадающие. Александра Дмитриевна гадала таким образом один раз, так как сильно была напугана. Были они на *beseде*, сговорились и пошли. Старшая из них была Моторина Шурка. На нее первую и стали спрашивать — «звать чертей». Услышали колокольчик, правда, не с той стороны, где у Шуры был знакомый парень. Колокольчик не переставал звенеть, они испугались: «Чур, чур, аминь, хватить», а колокольчик все ближе и ближе, тогда «мы — ноги по дороге, бежать; боялись, что задавят черти». Прибежали домой и кто ведро, кто подойник на голову надел, так как знали, что черти будут бить, и на печку залезли. Колокольчик звенел уже в дверях, и тут мама, которая сразу догадалась, что это озорничает маленький их племянник, трехлетний Ваня, заругалась на него. И так все открылось. Александра Дмитриевна комментирует, что это гадание ей очень нравилось — «слушать нравилось».

Еще ходили в ригу, заголяли попу: «Надо какой рукой штаны снять и голой жопой туда в дверь». Опять пошли в 12 часов ночи, и первая Шура Моторина. Парни узнали, что они пошли в ригу и решили подшутить. Только Шура приготовилась, они ей лопатой по задку, та обмерла и велит им бежать домой. Подружки ее не оставили. Вместе вернулись на беседу — парни все в избе. И только на следующий день пошли проверить следы на снегу у риги, тут и открылось, что это парни их испугали. А. Д. Никитина рассказывает о гадании: «В зеркало

глядела в пустой избе». Имеется в виду изба, в которой не живут. Надо в 12 часов ночи спуститься в подпол такого дома и в зеркало смотреть, «чертей звать» — «чертей кричишь» — *šiškot, bukažet*.

В бане живут и встречаются черти. Однажды Александра Дмитриевна и Варвара Рыбакова пахали в *слепенницу* (период лета, когда много слепней) ночью. Сговорились, что Варвара разбудит ее. Так и сделали: Варвара стукнула в окно, пошла к лошадям мимо *байни* и видит, что Александра уже идет впереди нее и заходит в баню, та за ней и спрашивает: «Ты чего, зачем в баню идешь?» А та не отвечает, тут В. Рыбакова догадалась, что это не А. Д. Никитина. Проверять они не стали — в баню не пошли.

Александра Дмитриевна подтвердила, что черти принимают облик живого человека.

Когда ходят *слушать* в баню, так не только двери хлопают в бане со страшной силой, но и деревья *клояются*: «чувствительно, что их клонит, — вот сила».

Александра Дмитриевна рассказывает, что ее младший брат Витька не раз ее пугал. Однажды она решила в Святки погадать. Рано утром надо подмести пол *в кресты*, т. е. с угла в угол — крест-накрест, собрать этот мусор в подол и идти с ним в недостроенный дом или пустую избу, там высыпать его *под застрех*, стать на него и звать *этих* (т. е. *хозяев*. — О. Ф.) «от баен, от риг» — «кричишь этих чертей». Только это сделала, как брат, которому тогда было лет семь, видевший, что она делает, пробрался в подпол этого дома и через люк, сделанный для собаки, вылез и схватил А. Д. за ноги. Она упала в обморок — так испугалась.

Смерть праведника и грешника. Маленького ребенка «хоронят как ангела», неважно крещеный или некрещеный. Обязательно *саванок* надевали; *листофку* в гроб маленьким, даже подросткам лет 10, со слов Александры Дмитриевны, не клали. Вновь вспоминает историю о своем брате-самоубийце, которому положили в гроб *листофицу*, чего нельзя делать. Брат, явившись во сне А. Д., пеняет ей, что разрешила *колокол*, как он называет *листофку*, повесить ему. Ну уж, что сделано, то сделано — «разрывать [могилу] не будешь».

На вопрос о заживо погребенных, все присутствующие сумбурно рассказывают некие истории, при их жизни произошедшие, когда человек *проревет* в могиле, но его не откапывают.

Маленький ребенок после смерти идет в рай — «у него грехов нет». «Рай надо заслужить». Взрослые люди, по мнению А. Д. Никитиной, в рай не попадают.

Надежда Николаевна Петрова вспоминает историю, произошедшую с одной ефимовской старушкой, которая всю жизнь в няньках прожила, в том числе и в Ленинграде, в семье одного военного, *партийца*. Втайне от родителей, по желанию их сына <...> крестила его, при этом взяла с него слово, что тот не проговорится родителям, так как боялась, что тогда она лишится своего места. Парень уже взрослый стал и умер. И вот до *сорочин* отцу снится сын. Отец его спрашивает, хорошо ли ему, на что тот отвечает: «Очень хорошо. Кто неверующий — тот в огне, в огонь пихают его и по левой стороны идут, а кто крещеный, тот идет по правой стороны. Там очень хорошо. Нас принимают хорошо». «А кто нас принимает, кто там встречает — не знаю», — по окончании рассказа добавляет Н. Н. Петрова.

О часовне. Александра Дмитриевна рассказывает свою версию появления часовни в священной роще у д. Бирючово. Раньше девушки выходили замуж «не за любого», а за кого

родители прикажут. Две девушки, которых выдавали замуж за нелюбимых, облились керосином, «спичку чиркнули» и сгорели. Это было при матери А. Д. Никитиной (по ее мнению). «Тут часовню эту построили».

Истории о кладях. Александра Дмитриевна вспоминает, что ей приснился сон, в котором некий *старичок* указал ей клад в *Voloka rošša* (Волоковая роща — топоним, обозначающий средневековое кладбище): место было определено точно, под деревом. Условие: «никому ни слова», идти одной, в 12 часов ночи. Ночью не пошла, но знала, что если сон правдивый, то на указанном месте будут угли. Если же ничего там не окажется, значит, никакого клада там и не было: «клад угольем образуется»; «не для всех идет» клад. Днем пошли вдвоем с Васей (братом) — там угли.

Н. Н. вспоминает, что один знакомый мужик ехал по дороге, и ему клад открылся — «блестит как зеркало». Он взял этот клад в карман, а потом «передал кому-то из братьевъев». Тот спросил, правда ли? «Дай посмотреть». Мужчину, которому клад открылся, дал брату в руки, и «клад улетел». Передавать клад нельзя — «может и счастливым будешь».

Женские домашние работы. Спрашиваю, в какие дни недели нельзя делать женскую работу по дому — стирать, прясть. «В субботу на воскресенье» мама не давала, а в воскресенье к вечеру уже пряли. Н. Н. вспоминает, что в их молодости полотно все было домотканое: наволочки в клеточку мелкую, скатерти, одежда. Полотенца на иконы и на зеркало вешали их памяти только на праздники — Пасху, Иванов день (их часовенный праздник). На их памяти появилась мода делать вырезанные из бумаги занавески на окна; их, как и полотенца, вешали только на праздники: «повисят три дня и складывают». Занавески стали делать и из «торгового» (привозил один татарин) материала, а потом из тюля. Модой обе женщины объясняют занавешивание после войны *боженек* — икон, что одинаково, с их слов, не практиковалось раньше ни у русских, ни у карел. Пододеяльник, салфеточки тоже после войны появились — «чтоб акуратно» было.

На поминки стол обязательно застилают скатертью. У мамы А. Д. Никитиной было приблизительно десять скатертей, разошедшихся по дочерям (в качестве подарков).

Раньше полотно «бучили золой»: клали в корзинку камни, кипятком заливали, и так несколько раз — полотно делалось мягким.

Судьба. [Спрашиваю, как можно узнать судьбу, можно ли ее изменить].

Александра Дмитриевна рассказывает историю об одной девушке, которой накануне ее свадьбы приснился сон: *старичок* ей говорит: «Утонешь в колодец» в день свадьбы. Невеста рассказала об этом своему отцу. Тот «взял доски и заколотил колодец, она все равно упала на колодец и умерла», «не утонула, но умерла».

«Человек рождается — вся судьба написана: в какое время умереть, где, — это, припоминает Александра Дмитриевна, говорила им Иринья Бирючовская, — кому задавиться, кому утонуть — всё», и ничего изменить нельзя.

О кладбище в Турандино. Некрещеных детей хоронили около часовни. По словам Н. Н., им делали гробики, одевали. Матери на Троицу ходили на эти могилки, клали конфеты. Рядом с часовней лежит каменная плита, кудаходящие на кладбище бросают *копеечки*; тут же рядом растет не то ель, не то сосна. Обе женщины уже не помнят точно, на нижние ветки которой «тряпочки вьсят». «Зачем, почему?» — спрашиваю. Не знают, но это как тряпочки, которые одевают «как рубашку» на каменный крест, который стоит в этой часовне.

После того, как старая часовня сгорела, эту, по просьбе женщины, отстроили Коля Бучкин и Алешка Ершов. Н. Н. считает, что каменный крест, который приплыл по реке к деревне Белый Бор, стоит в кладбищенской часовне Турандино. Когда я ссылаюсь на другую информацию, полученную от Наперенковой А. Е., они соглашаются, что та больше их об этом знает.

Пророк Федор Рьжкой. Он жил в Забелино; имел семью, детей. О конце света, который должен наступить в 2000 году, он рассказывал по книге, которая у него была. Рассказывая, не пугал, а просто описывал его признаки — признаки конца света.¹⁵

Конец света. На мой вопрос, что будет после конца света, А. Д. Никитина, лукаво улыбнувшись, говорит, что ведь останутся мужчина и женщина и снова жизнь начнется. [В предыдущих беседах А. Д. Никитина рассказывала о всемирном потопе, от которого люди спасутся на некоем трехсаженном бревне.] Кто же спасется на этом бревне — староверы или мирские? Она с сомнением качает головой: это уже неважно, ведь останется всего несколько человек на всей земле.¹⁶

Несколько часов мы (М. А. Лобанов и я) беседовали с Андреевой Евдокией Ивановной, 1925 г.р., [в девичестве Кононовой], русской, из деревни Труфаново, вышедшей в Корелу (в деревню Дятелка) замуж. [Е. И. Иванова — потомственная знающая, получившая свои знания от матери — известной русской знахарки Дарьи Кононовой. Это моя третья встреча с ней за последние годы. Так как Е. И. плохо себя чувствовала, то сама заговорила о смерти и самоубийстве].

Евдокия Ивановна вспоминает, как в молодые годы пришлось перекапывать кладбище. На мой вопрос, не страшно ли было, отвечает, что их — *артель* — заставили — «заставлено было»; кроме того, это было днем и «все косточки зарывали, не оставляли сверху».

Раньше, в ее юности, люди тоже руки на себя накладывали — *травилась*. «Травилась волчьим лычком»: 10 горошин было достаточно для взрослого человека — «куда хошь, человеку взрослому хватят». Кроме того, пользовались вороньим глазом — «черная крупная ягода, тоже ядовитая». Сильный яд — цветы лютика; желтые цветы лютика, если привязать к ноге, «поди-ко, волдырь будет. Ядовитые оны».

Грех. Е. И. говорит, что хотела отравиться мышьяком. Когда я говорю ей, что это грех, она рассказывает следующую быличку. У некой «дефчонки много грехов было на ей, и попала она в ад на том свете». Стал некто взвешивать ее душу и кинул на весы ее добродетели: она *милостыгам* — нищим *платочки, подарки* давала. И добродетели перевесили, *дефка* пошла «к Богу, а так бы она попала в ад».

Сон. Мать (уже упоминавшаяся Д. Кононова) рассказывала, что в рай нужно подниматься по лестнице, и однажды Евдокии Ивановне приснился сон, в котором она стала подниматься по этой «большой-большой лестнице». Дорогу ей преградила «ольховая изгородь», увешанная хмелем, «оттуда подхватила» Евдокия Ивановна и дальше не пошла — «только до верху (лестницы. — *О. Ф.*) дошла».¹⁷

Об этой же лестнице повествует быличка, рассказанная Е. И. Андреевой матерью. Ее крестная «замёрла (от 'замереть', 'впасть в состояние тонкого сна'. — *О. Ф.*) и поднялась наверх, туда». На том свете ее встретила не то мать, не то кто-то из умерших родственников и велела отправляться назад домой: «Как вот ты пришла сюда, опускайся взад пятками». В

ином случае «тебя поймают дома и утробят», т. е. возвращаться нужно было именно тем способом, который был указан, «чтобы тебя здесь не нашли». По возвращении домой, т. е. очнувшись, женщина *решила*: сожгла все свое *имение* и «стала ходить в точеном платье» — видно, умершая родственница так ей приказала.

Душа. Черги. Когда человек умирал, то рядом с ним ставили «водички чашечку, полотёничко»: душа моется и улетает.

Вслед за этим без всякого перехода Е. И. рассказывает о свекрови своей бабушки по материнской линии, т. е. прабабке, у которой были черги. «Сильно колдовала»: «спасу нет, колдовала»; и *портит*, и *поправляет*, и *находит* (людей, скот, пропавших в лесу). В то время, к которому относится рассказ она была очень старая, слепая и вместе со своей невесткой (т. е. бабушкой Е. И.) «за милостью ходила». «Ее никогда было не накормить»: все время «ись хотела» и «жалилась» на свою невестку, что та ее не кормит. (Из контекста беседы именно этот факт для А. И. свидетельствует о наличии чертей: ненасытность утробы, в которой сидят черти.) Однажды, перед тем как отправиться с утра прясть вместе с другими бабами, бабушка Е. И. решила угостить свекровь свежеепеченным хлебом: отрезала ломоть — «вот такую кусягу», посолила, перекрестила и дала. Та взяла, да «как жбанет (сожмет. — О. Ф.), что море потек, как пукнет ей в рожу: „Жри сама“».

В другой раз трехлетняя девочка — будущая тетка Евдокия Ивановна, рассказывала, что в отсутствие взрослых в доме были гости, и когда она глянула, то увидела, что у них «лошадиные ноги под столом». На мой вопрос, как умирала ее прабабка, она отвечает: «Она умирала... так умирала, что все визде скакали мимо, с вышки (чердака. — О. Ф.) так кидались вьюшкам таким: так поднимали избу, прямо изба вся дрожала. Ей было никак не умереть; ею всю сломало; глаза выскочили; наслала кучу большущую — говорят, это вот черти попутали. Эдакая душа — на ней черти катаются всю жизнь». Начав этот рассказ, Евдокия Ивановна заинтересовалась, записываю ли я на магнитофон, и, получив отрицательный ответ, продолжила. «Бабушка говаривала» другой случай. Однажды к деревенскому кузнецу подъехал цыган на лошади с просьбой подковать. Тот «ногу заворотил — нога человечья. Цыган на него закричал: „Куй, я... я мать! Я заплачу“. Тот другую, переднюю ногу взял — рука человечья. Кузнецу плохо стало. Цыган вынул золото из кармана», дал кузнецу, сел на лошадь и уехал. На мой вопрос, кто это был, Е. И. Андреева говорит, что цыган на черте, которым становится тот, «кто повесивши». Это «чертина пользя». Мораль: самоубийцы служат после смерти чертям.

Сны. Евдокии Ивановне приснился «настоящий сон». Ее муж-самоубийца и еще два мужика — «все застреливши и повесивши» — зовут ее, стоя на другом берегу реки: «Матка, переходи». [Она] по эту сторону реки идет со своей крестной и отвечает: «Нет, я не пойду. Мне там делать ишо нечиво». И они втроем пошли и свернули на кладбище. И я как будто и не сплю». Как-то в пятницу очень плохо себя чувствовала — впервые поднялось высокое давление, и, ложась спать, подумала о своем умершем муже: «Дедо, приснись мне, я так соскучала, хоть бы сонного увидеть тебе». И тут открыла глаза и увидела мужчину, стоявшего рядом с ее кроватью. От испуга Евдокия Ивановна скатилась с кровати на пол и из последних сил выбралась из дому, добралась до соседнего дома. Думала, что умрет.

Смерть, обмывание, обряжение. <...> Умершего снимают с кровати и здесь же, на полу, моют. Обмывать тело могут и родственники. Евдокия Ивановна полагает, что каждому человеку «положено трех человек вымыть», — мама так говорила. Она уже троих обмыла: свою мать, соседа и двоюродного свекра — «долю свою отправила». Обмывать можно, просто протирая тряпочкой, а можно и с мылом. Мать Евдокии Ивановны помылась в среду, а в четверг умерла, поэтому дочь ее слегка обтерла, а «голову не мочила» — так мама просила.

Умерший «на Страшной неделе — это самый несчастный человек — все страсти увидит; самое главное на страшной пятнице — кто умрет, все страсти увидит».¹⁹

[Запись сделана в деревне Бережок от Анны Михайловны Кулагиной, 1910 г.р., в девичестве Забелинская, родом из деревни Дубровка; карелка, староверка. В 1992 и 1994 гг. была информатором М. А. Лобанова. Беседа проводилась вместе с М. А. Лобановым].

В начале разговора, когда опрос вел Лобанов М. А., после исполнения «Аленького цветочка» Анна Михайловна спела две колыбельные и «Шла Маша из лесочку»:

1. Дайте, подайте жилушек на крайчик,
Он не беден, не богат,
У его много робят,
Все по лавочкам сидят.
Все по лавочкам сидят,
Кашку масляну едят,
Кашка масляная, ложка крашенная.

2. Байки, побайки
Матери — китайки,
Отцу — кумовцу,
Братцу — бархатцу,
А сестрицы — цвяток,
На головушку — цвяток
(платок? — О.Ф.)

Длинная песня — pitä virzit
Шла Машенька, Маша из лесочку,
Нёсла, нёсла Маша два веночка —
Дружку и себе,
Дружку и себе.
Как Маша, Маша речи говорива,
Пастушка, пастушка к себе манила молоденького.
Пастушка к себе манила молоденького:
Пастух, пастух, мой дружок, не спокинь меня,
(сбилась, М. А. Лобанов ее поправил)
Пастух, пастух, пастушочек не спокинь меня.
Пастух скоро сдогадался за скотиной,
За скотиной погнался, к жоны поспешил:
Жона, моя жона верна, негде ночевать,
Меня звали, зазывали осрахански,
Осраханские девицы все в венцах гулять.²⁰

Мать Анны Михайловны была русская, отец — карел, старовер (?), родом из д. Забелино. Сошел с ума после 1917 г., когда стали обменивать старые царские деньги на новые. Этих царских у него было много. Молиться «на Пасху» и «в Вербную субботу» ходили к Бириновым в моленный дом: «Возьмем вербочку, насередке зажжем свечечку, стояли и молились». Но

чаще ходили в Моклоково, так как «мирским здесь (в Дубровке. — *О. Ф.*) не давали молиться». Обладая хорошим слухом, памятью и голосом (читать не умеет), А. М. Кулагина уже в юные годы знала не только песни, но и молитвы, и служебное пение, хотя специально, вроде бы, ни у кого не учились(?). У некоей Матюшихи научилась петь службу. В браке родила 4 детей, из которых 3 умерли; живет сейчас у единственного сына. Более 30 лет назад был убит взрослый сын, и тогда она перешла в старую веру: «меня крестили в ручью», «во своем ручью» около деревни Дубровка. В обряде крещение участвовали тетя Поля и тетя Шура Биринины и «наша сватьяшка, тетя Наташа» — все они были *книжницы*. Две из них стояли на берегу — «они на берегу», «читали книжечку божественную», в которой «по-христиански писано», а третья вместе с Анной Михайловной зашли в ручей. Она была голая, и женщина трижды окунала ее в воду с головой. Было это летом, в дневное время. Заранее было приготовлено «все свежее» — платье, крестик новый, пояс. Пытаюсь выяснить, держала ли перед обрядом пост, но выяснить не удалось. В целом, очевидно, что А. М. Кулагина не постничала особенно: «я век ела», отсюда мнение, что на ней «столько греха!» Но сейчас ест из собственной посуды; с трудом вспоминает, что раньше чашку и ложку называли *karjalane stavča* и *karjalane luzikka* (т. е. *карельская чашка* и *карельская ложка*).

Староверы — мирские. Вспоминает, что в избе у Бирининых устраивали *посидки* и сестры Биринины — *богомолки* очень боялись мирского, так как в этом доме они ели и спали (моленный дом стоял на этой же усадьбе, но отдельно). И вот однажды «мирская ложечка упала в питницу (чан с питьевой водой на 6–7 ведер. — *О. Ф.*), так оны эту воду всю на улицу выкачали, свежей налили». Молодежи, наблюдавшей за этим, было не очень понятно и интересно. Это следует из комментария Анны Михайловны. Рассказывая об этом случае, говорит: «А ведь Бог один».

Приготовление к смерти. Погребальные обряды. Анна Михайловна недавно приготовила себе смертную одежду: «сошила узелок», в котором «боженька (иконка. — *О. Ф.*), поясок, листочка черная, рубашка, штаны, платок белый, платье белое», свечи. На вопрос о саване, сокрушается, что *кошинок* приготовлен, но «не умею шить, надо бы».

Анна Михайловна сама никогда не обмывала тело умершего, но вместе с матерью участвовала, поливая водой. На вопрос, сразу ли обмывают, отвечает, что «ждали, когда устывает». Так, когда в Забелино умерла ее тетка, а умерла она сидя *в руках* у дочерей, которые очень любили свою мать, то те *повалили* ее на кровать, выпрямили, дали *устыть* телу, а потом уже стали обмывать *летенькой водой*, т. е. не холодной и не теплой. На мой вопрос, почему именно такой водой, смеясь говорит: «Чево его пугать», — так люди говорили; люди маленько ведь знают», что нужно делать.

Душа. Как только человек умер — «холодной человек делаецца» — душа его сразу улетает. На вопрос, куда, Анна Михайловна отвечает, что это знает только Господь Бог. Уточняю: «А если это самоубийца, куда его душа отправится — в ад или рай?» — «Господь Бог определит, куда такую душу положат. Мы на этом свете только в гостях, а там будем век, куды нас положат». Не называя то место, куда уходит человек и его душа после смерти, А. М. Кулагина, улыбаясь и посмеиваясь, рассуждает так: «Куда идем, там без нас руководят».

Сон. Приводит следующий случай о старике из деревни Бирючово: «Был дедушка, уснувший на три дня и три ночи». Когда он проснулся, то рассказал «своей жонке» и дочери,

что во сне он увидел свое посмертное место: «Я свое местечко видал. Три старичка, я — четвертый; я тут буду жить». После этого прожил он недолго. «Когда туды попадем, тогда и узнаем», а до этого «нам не влено и знать». Душа есть и у скотины, ведь она *вдыхает*.

Судьба. Точно так же нельзя человеку узнать и о своей судьбе. Это как бы не человеческого ума дело. Никаких быличек о распознавании судьбы не знает, не слышала или не хочет говорить.

После обмывания и обряжения покойника кладут на доски «головой к боженькам», а потом поворачивают глазами к иконам, зажигают масло в лампадке. Отпевать можно уже на второй день, начиная с ночи, тогда покойника и разворачивали: «поворотят дак, чтобы он глядел на боженек». Для отпевания приглашали *княжниц*. В гроб, со слов Анны Михайловны, кладут вату; с большим трудом, с моей подсказкой, вспомнила, что раньше это была кудель. Уверенно говорит, что после выноса гроба из дома раньше «шол не мыли, а теперь по-новому» — моют. Таким образом, подтверждается тот факт, что согласно старообрядческой традиции обычая мыть пол, переворачивать табуретки или лавку, стол, на которых лежал покойник, не было, в то время как у православных (официальных) это широко бытует и внедряется в современную старообрядческую культуру карел.

В числе мер, предпринимавшихся для того, чтобы покойник «не приходил» в дом к живым, А. М. Кулагина называет чтение *стишка* у входной двери изнутри избы. Этим стишком она пользуется и сейчас, пересказывая его всем, кому требуется. (Так, она пересказала его на поминках И. С. Глыбина его жене — *Овдотье Ивановне*. «Желаете — расскажу». Долго вспоминала.

Заговор от умершего. «Иван-спаситель, Иван-помогитель, спаси нашу избышку, все четыре угла. Закрой все дырочки, заткни все шилочки. Во веки веков. Аминь». Текст произносят трижды, к ночи, стоя у двери и держась за «скопку» (дверную скобу, т. е. ручку). После этого Анна Михайловна обращается к Господу: «Благослови Христос», потом: «Да началу положу (т. е. скажет текет начальной молитвы. — *О. Ф.*), да меня никто не пугал».

Она вспоминает, как в деревне Утlikово умерла одна женщина и ночью пришла к своей дочери. «Матка умерла и такая пришла, чурка холодная», «дефка испугалась и потом в другом дому и ночевала». Вывод из истории таков: «не знаешь ничаво», вот и случается плохое.

На вопрос, снятся ли умершие, Анна Михайловна подтверждает: «Сняться, то снились, а я потом (утром, проснувшись. — *О. Ф.*) помяну (в молитве. — *О. Ф.*) и всё» (обходитесь благополучно. — *О. Ф.*).

Кладбище. Когда умирали *мирские*, то раньше их хоронили в Моклоково. Моклоковское кладбище обслуживало, таким образом, еще до недавнего времени приблизительно в 60-е гг. XX в. и *мирских*, и *староверов* ближайших деревень — Селище, Дубровка, Новинка, так как кладбище в Бирючово было только для староверов: «мирских раньше на Бирючово не пускали», за этим строго следили тетя Матрена и тетя Ириша Бирючовские — «они строгие были».

По мнению Анны Михайловны, самоубийц все равно хоронили на кладбище, как и всех остальных. Над умершими в Пасху пели при отпевании *Христа*. На вопрос идут ли они в рай, не знает ответа.

Выкидыш. Надо обмыть, в *коробочек* положить и «хоронить под часовенку». Когда у нее случился выкидыш, она этого не знала, и «бабка ругала за то, что так не сделала». У них

в деревне была часовня (в деревне Забелино, куда Анна Михайловна вышла замуж), в подполе которой имелось специальное отверстие.

Похороны. Анна Михайловна убеждена в том, что в могилу обязательно надо бросать деньги — выкупать место, и, что такой обычай существовал всегда у староверов. Рассказывает сон, приснившийся после похорон ее уже *большенькой* дочери, деньги в могилу которой не бросили: «Я во снах и вижу: этот гробик принесен (неизвестно кем? — О. Ф.) на сельсоветскую улицу, положен на горюшечку и лежит». Рассказала об этом сне своей сестре, и та посоветовала ей отнести деньги и положить где-нибудь сбоку от могилы: «Иди, суй хоть в бок». Анна Михайловна *наговала*. Комментарий: «Видишь, выгоняют прочь» гроб с кладбища, если не выкуплено место, а когда «купят местечко» — все хорошо. Спрашиваю: «Кто выгоняет?» Нет ответа.

Спрашиваю, бывали ли случаи, когда хоронили заживо? Подобное, с ее слов, бывало, но всегда откапывали, например в Спировском жальнике (кладбище).

На вопрос, можно ли ходить на кладбище ночью, отвечает, что ночью «нечего там делать». Современный пример с дочерью И. С. Глыбина, Татьяной, которая после смерти отца «ходит в рощу», свидетельствует о том, что «она спорчена, а родители ничаво не делают».

Порча. И тут оказывается, что наша информантка предлагала свою помощь матери Татьяны: «Овдотья Ивановна, давай Таню-го попробуем», но та попала в больницу. Я уточняю: «Вы смогли бы ей помочь?» Ответ: «Думаю, что смогла [бы]». Пытаюсь выяснить, что необходимо сделать. Анна Михайловна переходит на шепот (в магнитофонной записи остались намеки от разговора). Схема следующая: нужно состричь ногти больного, закатать их в воск от горевших в божнице свечей. Получившийся катышек спрятать в щель дверного косяка на высоте, соответствующей росту больного. При этом необходимо говорить слова, но их А. М. Кулагина утаила. Таким образом она лечила одну девушку *от испуга*, которую привезли из Армении: «Один раз так сделала и те больше не приезжали, значит помогло,» — так считает Анна Михайловна. Кроме того, помогла одному женатому парню, которого *хватало*: один раз совершила необходимую процедуру, а во второй раз он пришел сам, так как его мать послала. Анне Михайловне помогал в этом случае её сын Сергей. Научила Анну Михайловну в уже зрелом возрасте жительница деревни Забелино Фима Богданова (Крымская). «Слова небольшие. А зачем тебе?» — спросила А. М. и сохранила их в секрете. Бывали и *долгие*=*длинные* заговоры — их «на бумажке писали», но она таких не знает. Вспоминает, что умела лечить Бабичева тетя Варя, некая Малиниха.

Плач ребенка. Когда маленький ребенок плачет, то надо обмыть глазки «водичкой от скопки», над которой говорят определенные слова. Анна Михайловна умеет так лечить и слова определенные знает, но не сообщает их нам. Исчерпав на некоторое время эту тему, мы заканчиваем тему похорон.

Колдуну, не сдавшему чертей, «умереть не дадут черти» — *bukazet*. О колдуне Папылко она слышала, что он умел находить потерявшийся скот.

Bukazet иногда жили и в подвале. А. М. слышала об одной женщине из деревни Бычки, которой черти помогли дом строить. Эта деревня теперь *потерялась*, а та женщина «в нашу веру попавши».

На поминки первое блюдо — *күття*, потом щи, картошка тушеная, каши, а последнее блюдо кисели — «аржаной с песочком» и *магазинный*, т. е. ягодный (из пакета), а также молоко. Спрашиваю: «*Muigio maido* (кислое молоко)?» Отвечает: «Нет, пресное».

Словник: смерть — *šurta*; могила — *kalma*; счастье — *oža*; помянуть — *muisella*; отпевать — *lalu*; душа — *heŋgi*; *rahaheŋgi* — «плохое сердце».

Душа деревьев. Молитва. На мой вопрос, есть ли душа у деревьев, отвечает, что у деревьев «можно молиться и креститься», как и на солнце, так как «Господь Бог увидит и услышит».

На столе, за которым мы сидим, у Анны Михайловны стоит небольшая медная иконка «Воскресение Христово», современный календарь с изображением Божией Матери, лампадка, личная чашка и деревянная ложка. Каждые утро и вечер она начинает свою молитву *с начала*: «Боже милостивый, буди мне грешные, создай нам Господи, без числа согрешила я, грешная, прости Христа Ради», затем «Достойно»: «Достойно яко божительница, Богородица, кристаблаженная, непорочная. Божия Матерь. Воистинная серафим бестения Бога ... (неразборчиво. — *О. Ф.*) сущую Богородицу величаем. Слава Отцу и Сыну и Святому Духу и ныне и присно. Во веки веков. Аминь. Господи помилуй. Господи, Боже. Благослави Христос на ночь грядущую».

«Богородица Дева радуйся, обрадованная Мария, Господь с Тобой. Благословенна ты жена, благословенна. Плод черва твоего яко же родила Иисуса Христа и Спаса и избавителям душам нашим».

«Отче наш, иже еси на небеси, да спасится имѣ, да будет царствие, да будет воля наша, избавить нас от лукаваго. На земли хлеб насущий. Мы же оставляем должником нашим. Не веди нас во искушение. Во веки веков. Аминь». [Сохранены все грамматические, стилистические и интонационные особенности текста А. М. Кулагиной].

Все эти молитвы она читает ежедневно с лестовкой. Ангелы, по ее мнению, живут на небе, а серафимы не известно — кто где. Равно, как и о дьяволе — один он, или их много — не ясно.

Пример А. М. Кулагиной — еще одно подтверждение тому, что убежденный верующий/старовер — это зачастую «знающий» человек, это человек, владеющий музыкальной и исторической памятью.

Болезни, лечения. *Золотуха* — над *скоромным* маслом необходимо трижды произнести текст заговора: «Золотуха, золотуха уйди прочь, здесь тебе не место, не местечко. Иди в чистое поле, там стоит столик. На столике белая скатерть, чтобы не болело, не щемело. Во веки веков. Аминь». Затем этим наговоренным скоромным маслом мажут больное место столько раз, сколько необходимо для выздоровления (может, и больше трех раз).

Tulen lendämä — прыщики на лице. Были они и у Анны Михайловны, когда она была еще девочкой. Некая бабушка приговаривала и прижигала прыщики огнем от кресала: «чиркалки у курителей были железинко», т. е. «живым огнем» лечили.

От гада (от укуса змеи). На *водичку* читают заговор: «12 глаз, 12 апостолов, укуси змеюшка (имя рек), чтобы не болело, не щемело. Во веки веков. Аминь». В воду перед наговором кладут «три листика ольховово», затем этой водой надо «помывать, где куплено. Очень хорошо помогает».

Грыжа. Текст заговора: «Грыжа голодная, грыжа холодная, я ее проглочу, чтобы не болело, не щемело». После этого нужно три раза «кусать пруттик али чего». Во веки веков. Аминь».²¹

Примечания

- ¹ Фишман О. Религиозно-культурный феномен карельского старообрядчества. Нью-Йорк, 2000.
- ² Громько М. М. 1) Традиционные нормы поведения и формы общения русских крестьян XIX в. М., 1986. С. 9–11; 2) Место сельской (территориальной, соседской) общины в социальном механизме формирования, хранения и изменения традиций // СЭ. 1984. № 5. С. 70–80.
- ³ Кондаков И. В. Феноменология культуры // Культурология, XX век: Энциклопедия в 2-х т. СПб., 1998 / Гл. ред., сост. и авт. проекта С. Я. Левит. Т. 2. С. 292–293.
- ⁴ Об изучении личности в современном старообрядческом сообществе см.: Сморгунова Е. М. 1) Портреты и образы наших «благодетелей». Портрет первый: Матушка Галина // Мир старообрядчества: История и современность: Сб. ст. / Под ред. И. В. Поздеевой. Вып. 5. М., 1999. С. 2) Старец Никита Семенович и догматика бегунства (по рукописям пермской коллекции МГУ) // Старообрядческий мир Волго-Камья: Проблемы комплексного изучения: Мат. науч. конф. / Гл. ред. Г. Н. Чагин. Пермь, 2001. С. 87–108; Поздеева И. В. Книга-личность-община-инструменты воспроизводства традиционной культуры (30 лет изучения старообрядческих общин Верхокамья // Там же., С. 7–30; Куликова И. С. «Память смерти. Размышления староверов-беспоповцев Верхокамья (фрагменты встреч 1995–2001 гг.)» // Там же. С. 46–53; Мир старообрядчества: Личность. Книга. Традиция: Сб. ст. / Под ред. И. В. Поздеевой, Е. Б. Смирнянской. М.: СПб., 1992. Вып. 1.
- ⁵ Кондаков И. В. Указ. соч. С. 292–293.
- ⁶ Флоровский Г. Н. Затруднения историка-христианина / Мера. 1994. № 1. С. 11.
- ⁷ Библер В. С. Диалог. Сознание. Культура (идея культуры в работах М. М. Бахтина) // Одиссей. Человек в истории: исследования по социальной истории и истории культуры. 1989: Сб. стат. / Отв. ред. А. Я. Гуревич М., 1989. С. 56–57.
- ⁸ Гуревич А. Я. Предисловие // Человек и культура. Индивидуальность в истории культуры: Сб. ст. / Отв. ред. А. Я. Гуревич. М., 1990. С. 4.
- ⁹ Фишман О. М. Полевые исследования: назревшие проблемы (доклад на заседании круглого стола «Полевые исследования: итоги, проблемы, перспективы» // Журнал социологии и социальной антропологии. 2003. Том VI. № 2. С. 185.
- ¹⁰ Архив РЭМ, ф. 10, оп. 1, д. 51а, л. 2, 3.
- ¹¹ Там же, л. 11, 11об, 12, 12об, 13, 13об, 14, 14об, 15, 15об, 16, 16об, 17, 17об.
- ¹² Там же, л. 52а, л. 4, 4об, 5, 6, 6об.
- ¹³ Там же, с. 15, 15об, 16, 16об, 17, 17об, 18, 18об, 19.
- ¹⁴ Там же, с. 14.
- ¹⁵ Там же, л. 70, с. 4, 4об, 5, 5об, 6, 6об, 7, 7об, 8, 8об, 9.
- ¹⁶ Там же, л. 12об.
- ¹⁷ Там же, л. 11об.
- ¹⁸ Там же, л. 13, 13об.
- ¹⁹ Там же, л. 15, 16.
- ²⁰ Там же, л. 67.
- ²¹ Там же, л. 63об, 64, 64об, 65, 66, 66об, 67.